

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

1880.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская
улица, въ домѣ Дреземейеръ.

Типо-Литогр. И. Н. Кушнерова и К^о, Пименовская ул., д. Кушнеровой.

Пушкинскій вопросъ.

«Прекрасные дни въ Аранжуэцѣ окончились», говорится у Шиллера въ «Донъ Карлосъ» *). И мы можемъ теперь сказать, что прекрасные пушкинскіе дни прошли. Намъ успѣли уже окатить нѣсколькими ведрами холодной воды.

Такъ оно, впрочемъ, у насъ уже заведено. Не смущаясь этимъ, посмотримъ, въ чемъ заключаются наши положительныя пріобрѣтенія по «пушкинскому вопросу».

Ко дню открытія памятника не было еще новаго полного изданія Пушкина, взамѣнъ давно распроданныхъ прежнихъ. Тогда вышли только два разрозненныхъ тома 2-го Исаковскаго изданія, редактируемаго П. А. Ефремовымъ. Редакторъ извѣстенъ своею библіографическою добросовѣстностью и оправдалъ благоприятную о себѣ молву и въ настоящемъ случаѣ. Но онъ, къ несчастью, довелъ свою добросовѣстность до крайности, и позабылъ слова самого поэта: «стихи, преданные мною забвенію или написанные не для печати, простительно мнѣ было написать на 19-мъ году, но непростительно признать публично въ возрастѣ болѣе зрѣломъ и степенномъ». Самъ поэтъ, разумѣется, «не долженъ (употребляю его же выраженіе) отвѣчать за перепечатаніе грѣховъ своего отрочества», всего того, что, по его словамъ, «желалъ бы онъ уничтожить, какъ недостойное его дарованія» или, что «тяготѣтъ, какъ упрекъ, на его совѣсти» **). Само собою разумѣется, что сюда не могутъ относиться «вольнолюбивыя мечты» его юности. Все, включенное изъ нихъ въ первый разъ въ новое изданіе, не можетъ, конечно, оскорбить тѣни поэта. Уваженіе къ ней не должно также намъ помѣшать воспользоваться и его дѣйствительными «грѣхами», какъ матеріаломъ для его жизнеописанія. Имъ только не мѣсто въ классическомъ изданіи поэта.

*) Die schönen Tage zu Aranjuez sind nun zu Ende.

**) Соч. Пушкина, изд. Анненкова. Т. V, стр. 27—28.

Для жизнеописанія Пушкина получили мы ко дню открытія ему памятника нѣсколько новыхъ матеріаловъ, но отъ насъ скрываютъ нѣкоторые, неблагопріятные поэту отзывы. «Два голоса замогильныхъ обвинителей, говоритъ редакція «Русской Старины», произнесли надъ Пушкинымъ свой приговоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснили отношенія крайнихъ декабристовъ къ Пушкину. Мы говоримъ объ отзывахъ о немъ покойныхъ М. И. Горбачевского и М. А. Бестужева, высказанныхъ ими въ ихъ перепискѣ 1861 г.... Письма эти и записки принадлежатъ собранію «Русской Старины». Какъ крайне рѣзкіе о личномъ характерѣ великаго поэта и голословные отзывы, мы не рѣшаемся ихъ приводить» *). Совершенно напрасно. Сообщила же «Русская Старина» нѣкоторые весьма неблагопріятные отзывы о Грибоѣдовѣ; и что же? провѣренные критически, они ни мало не поколебали уваженія къ характеру автора «Горя отъ ума». Надо думать, что то же самое вышло бы и съ Пушкинымъ послѣ критической провѣрки отзывовъ его недруговъ. Спасибо кн. П. П. Вяземскому, что онъ не скрылъ отъ насъ въ высшей степени неблагопріятнаго для Пушкина отзыва лица, повидимому, весьма вѣскаго—лицейскаго товарища великаго поэта, покойнаго М. А. Корфа. **) Если его неблагоклонное отношеніе къ Карамзину (въ біографіи Сперанскаго) оправдывается въ значительной мѣрѣ, то едва-ли случится то же съ его взглядомъ на Пушкина. Покойный статсъ-секретарь самъ выдаетъ себя, говоря, между прочимъ, о Пушкинѣ: «ни несчастіе, ни благотвореніе императора Николая его не исправили: принимая одною рукою щедрые дары монарха, онъ другою омокать перо для злобной эпитафмы». Не даромъ же покойный кн. П. А. Вяземскій замѣтилъ на это: «Императору Николаю былъ онъ душевно преданъ». Это вполне подтверждается и переданнымъ сыномъ поэта въ редакцію «Русской Мысли» отрывкомъ изъ записокъ Пушкина. «Меня спрашивали, доволенъ ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ, говоритъ онъ тутъ. Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ». Но по всему видно, какъ тяготила его эта милость. «Ни за что не поѣду представляться съ моими товарищами камеръ-юнкерами, молокососами 18-лѣтними. Царь разсердится. Да что мнѣ дѣлать?» ***). Давно извѣстно, каково было Пушкину спосить посред-

*) Русская Старина, 1880 г. Январь, стр. 130.

**) М. А. Корфъ употребилъ слово „благотвореніе“. Не лишнее будетъ привести взглядъ на это Пушкина изъ письма его къ брату: „n'acceptez jamais des bienfaits. Un bienfait pour la plupart du temps est une perfidie. Point de protection, car elle asservit et dégrade“. (Матер. Анненкова П. С. Соч. Пушкина, I, 234). Пушкинъ едва-ли смотрѣлъ на отношенія къ нему самого государя, какъ на отношенія покровительственныя и едва-ли видѣлъ „благотвореніе“ въ томъ, что скорѣе должно было представляться вполне законною данью великому таланту, не зарыванье котораго въ землю есть своего рода служба и обществу, и государству.

***) А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива, С.-Петербургъ, 1880 (сперва напечатано въ „Берегъ“).

ничество между нимъ и государемъ лица, на которое не безъ основанія падаетъ подозрѣнiе въ томъ, что онъ могъ и не съумѣлъ предотвратить дуэль Пушкина—графа Бенкендорфа. Понятно, что такое посредничество могло нѣсколько охладить отношенія Пушкина къ государю, котораго, по собственному выраженiю поэта, онъ «полюбилъ». Нельзя не пожалѣть отъ всей души, что полныя записки Пушкина не могутъ еще быть напечатаны. Мы вѣримъ на слово сыну поэта, что онъ, конечно, не сталъ бы безъ независимыхъ отъ него основанiй скрывать отъ русскаго общества драгоценный дневникъ своего великаго отца, какъ вѣримъ и тому, что обнародованiе его заставило бы насъ еще болѣе полюбить Пушкина.

Но мы просто не понимаемъ образа дѣйствiй перваго толковаго издателя сочиненiй поэта В. Анненкова. До сихъ поръ обладаетъ онъ драгоценными матеріалами и дѣлится ими съ публикою только по кусочкамъ. Конечно, и онъ можетъ быть, вынуждаемъ на то независимыми отъ него обстоятельствами, устраняемыми только съ величайшею постепенностью. Но какъ же ему въ такомъ случаѣ рѣшиться на смѣлые выводы, вѣрность которыхъ не можетъ быть усмотрѣна самимъ читателемъ, вынужденнымъ вѣрить г. Анненкову, что онъ вѣрно понялъ извѣстныя ему одному строки Пушкина. Вопросъ этотъ возникаетъ невольно при прочтенiи любопытной статьи г. Анненкова: «Общественные идеалы А. С. Пушкина» *). Г. Анненковъ сообщаетъ тутъ нѣсколько новыхъ выдержекъ изъ находящихся у него въ рукахъ бумагъ Пушкина—въ дополненiе къ выдержкамъ, давно уже напечатаннымъ имъ въ «Матеріалахъ». Часть этихъ новыхъ выдержекъ предназначена на то, чтобы еще болѣе доказать извѣстный «аристократизмъ» Пушкина, принятый г. Анненковымъ подъ свое покровительство еще въ «Матеріалахъ». Но вѣдь въ томъ же направленiи сложилась у Пушкина и извѣстная пiеса: «Моя родословная или русскоя мѣщанинъ», выражающая не что иное, какъ предпочтенiе старыхъ захудалыхъ родовъ той новой знати, всѣ права которой опираются на избытокъ холопства.

„Настоящая (въ смыслѣ теперешней) наша аристократія, говоритъ Пушкинъ въ одномъ изъ отрывковъ, приводимыхъ у г. Анненкова, съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древнiе роды ихъ восходятъ до Петра и Елизаветы. Деньщики, пѣвчіе, хохлы — вотъ ихъ родоначальники. Мы гордимся не славою предковъ, но чинами какого-нибудь дяди дурака или баломъ двоюродной сестры“ (В. Евр. iюнь, стр. 611).

Съ другой стороны, этотъ Пушкинскiй «аристократизмъ» связывается съ его уваженiемъ къ «предкамъ» вообще—въ самомъ широкомъ значенiи слова. Въ этомъ смыслѣ истолковывается взглядъ поэта въ рѣчи И. С. Аксакова **).

*) Вѣстникъ Европы, 1880 г. iюнь.

**) Пронесенной, къ сожалѣнiю, не вполне, но потомъ напечатанной въ полномъ видѣ во 2 книгѣ „Русскаго Архива“ 1880 г.

„Было бы желательно, говорить онъ, чтобы связь преданій и чувство исторической преемственности было доступно не одному дворянству (гдѣ оно почти и не живетъ), но и всѣмъ сословіямъ, чтобы память о предкахъ жила и въ купечествѣ, и въ духовенствѣ, и у крестьянъ. Да и теперь между ними уважаются старинные честные роды“.

Извѣстно, что Пушкинъ съ любовію вспоминалъ о томъ, какъ одному изъ его предковъ довелось засѣдать рядомъ съ Кузьмой Мининымъ, (объ этомъ напомнилъ въ своей рѣчи А. И. Незеленовъ). Не даромъ и г. Анненковъ въ той же новѣйшей своей статьѣ приводитъ слова Пушкина: «конечно, есть достоинства выше знатности—именно достоинства личныя. Имена Минина и Ломоносова перевѣсятъ всѣ наши старинныя родословныя» (стр. 612). Не слѣдуетъ забывать и тѣхъ словъ Пушкина, которыя недавно еще приведены В. Я. Стоюнинымъ: «я имѣю своего рода демократическіе предразсудки, которые, думаю, стоятъ предразсудковъ аристократическихъ. Я жажду одного—независимости» *).

Знаменитый сподвижникъ князя Пожарскаго, «художествомъ говядарь», упоминается также въ одной изъ программъ Пушкина, сообщаемыхъ въ той же статьѣ г. Анненковымъ, но упоминается такъ, что трудно добраться до прямого смысла. «Какъ пало боярство при Юаннахъ, которые къ одному мѣстничеству не дерзнули прикоснуться? Были ли дворянскія грамоты?—*Мининъ!* Было ли зло мѣстничество? Вездѣ ли существовало оно? Зачѣмъ уничтожено было оно?» (стр. 609). Относительно *мѣстничества* г. Анненковъ склоненъ, повидимому, думать, что Пушкинъ сочувствовалъ и ему, сочувствуя вообще *боярству*. Это, повидимому, подтверждается давно извѣстнымъ замѣчаніемъ Пушкина про того изъ своихъ предковъ, который подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества, что это «мало дѣлаетъ чести его характеру» **). Но, съ другой стороны, давно напечатано и то, чѣмъ думалъ Пушкинъ доказать существованіе въ нашемъ дворянствѣ чувства чести. Усматривая это чувство «въ готовности жертвовать всѣмъ для поддержанія какого-нибудь условнаго правила», Пушкинъ полагалъ, что эта, весьма, стало быть, сомнительная въ нравственномъ смыслѣ честь «во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ» ***). Привожу это съ тѣмъ, чтобы показать, какъ трудно на основаніи какихъ-нибудь отрывочныхъ набросковъ составить себѣ вѣрное понятіе о дѣйствительной мысли ихъ автора. Но г. Анненковъ въ своей послѣдней статьѣ приводитъ еще нѣсколько набросковъ Пушкина, указывающихъ, повидимому, на то, что его «аристократизмъ» далеко не ограничивался тѣмъ, что видитъ въ немъ И. С. Аксаковъ. На вопросъ: какіе люди составляютъ дворянство? Пушкинъ отвѣчаетъ: «люди, которые имѣютъ

*) Истор. Вѣстникъ, 1880 г., августъ, стр. 661.

**) Соч. Пушкина. Изд. Анненкова, V, стр. 4.

***) Тамъ же, стр. 21.

время заниматься чужими дѣлами.... Богатство доставляетъ способъ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву *du souverain*.... Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству, *чести* вообще.... Нужны-ли они въ народѣ, такъ-же, какъ, на примѣръ, трудолюбіе? Нужны, и дворянство — *la sauve garde* трудолюбиваго класса, которому некогда развивать сіи качества....» Во всемъ этомъ можно бы усмотрѣть своего рода преемственную связь со взглядами знаменитаго екатерининскаго публициста, кн. Щербатова, (а затѣмъ и со взглядами Карамзина, имѣвшаго свою прямую долю вліянія на Пушкина), если бы далѣе не было у нашего поэта вотъ чего: «Чѣмъ *кончается* (погибаетъ) дворянство въ республикѣ? Аристократіей правъ. А въ государствѣ? рабствомъ народа» (стр. 605). Пушкинъ, стало быть, считалъ крѣпостное право не прерогативой дворянства (какъ Щербатовъ и Карамзинъ), а его концомъ или *ибелью*. Онъ, стало быть, исключалъ крѣпостное право изъ тѣхъ наследственныхъ преимуществъ высшихъ классовъ, безъ которыхъ они, по его мнѣнію, «становятся наемниками и несутъ ихъ обязанности». Но въ недоумѣніе несомнѣнно приводитъ въ наброскахъ Пушкина то, что говорится далѣе и что совсѣмъ уже не подходитъ подъ толкованіе Пушкинскаго аристократизма И. С. Аксаковымъ. «Вотъ уже 150 лѣтъ, *que la* табель о рангахъ *balaye la noblesse*, а затѣмъ уничтоженіе маіоратства плутовскимъ образомъ при Аннѣ Іоанновнѣ довершило паденіе передоваго класса, начатое табелью. Что изъ этого слѣдуетъ? восшествіе Екатерины II, 14-е декабря и т. д.». Ужъ не есть-ли это набросокъ мыслей вовсе не самого поэта, а какого-нибудь *дѣйствующаго лица* въ одномъ изъ предполагавшихся романовъ Пушкина? Можетъ быть, это и обнаружилось бы, если бы г. Анненковъ не продолжалъ таить множество пушкинскихъ матеріаловъ, а сообщилъ ихъ цѣликомъ публикѣ? На такое значеніе наброска, быть можетъ, указываетъ и самая примѣсь французскаго языка, встрѣчающаяся также и въ одномъ изъ выше приведенныхъ набросковъ, въ свою очередь, принадлежащихъ, быть можетъ, какому-нибудь дѣйствующему лицу изъ той среды, въ которой, по грибоѣдовскому выраженію, господствовала «смѣсь французскаго съ нижегородскимъ». Во всякомъ случаѣ, сочувствіе самого Пушкина даже *маіоратству* представляется весьма сомнительнымъ. Не могъ же онъ не знать, что оно было у насъ искусственно заведено тѣмъ же, кто завелъ и табель о рангахъ, и что заведеніе маіоратства составляло со стороны Петра по крайней мѣрѣ такое же «революціонное» дѣйствіе, какъ и всякая другая ломка, ради которой Пушкинъ, по увѣренію г. Анненкова, видѣлъ въ Петрѣ «соединеніе Робеспьера съ Наполеономъ.» Способный замолвить слово за наше старинное боярство, Пушкинъ однако же прекрасно его отличалъ отъ западно-европейской аристократіи, къ существеннѣйшимъ принадлежностямъ которой относится и маіоратство.

В. Я. Стоюнинъ въ своей біографіи Пушкина привелъ очень кстати взглядъ Пушкина на неудачу у насъ аристократическихъ попытокъ послѣ смерти Петра II: «это спасло насъ, по его мнѣнію, отъ чудовищнаго феодализма и *существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ*» *).

Самъ г. Анненковъ говоритъ, что Пушкинъ противопоставлялъ феодализму институтъ боярства, который ничего общаго съ первымъ не имѣлъ, и «восходилъ отъ этого противопоставленія до опредѣленія разницы въ духѣ и характерѣ западныхъ и русскихъ среднихъ вѣковъ». (В. Е. стр. 609). Изъ «Матеріаловъ» же, напечатанныхъ еще въ 1855 г., извѣстно, что Пушкинъ шелъ въ этомъ смыслѣ очень далеко. «Россія, говорилъ онъ въ своихъ возраженіяхъ на исторію Полеваго, никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою, исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи христіанскаго запада» **). При такомъ взглядѣ, если Пушкинъ видѣлъ въ Петрѣ державнаго «революціонера», то конечно, не потому только, что Петръ былъ «безжалостнымъ истребителемъ единственнаго сословія, которое еще могло умѣрять его порывы и увлеченія». Рука у Пушкина, готовившагося писать исторію Петра, «дрогнула», по выраженію г. Анненкова, при видѣ его двойнаго лица, лица «геніальнаго созидателя государства», но также и «старога восточнаго типа бича божія» — конечно, не потому только, что бичъ этотъ билъ по боярщинѣ, но и потому, что многіе изъ его «писанныхъ кнутомъ указовъ», какъ бы «вырвавшихся у нетерпѣливаго, самовластнаго помѣщика», насильовали народную жизнь вообще (и въ томъ, между прочимъ, что думали ей навязать институтъ маіоратства). Въ связи съ этимъ долженъ находиться и тотъ «ненапечатанный монологъ обезумѣвшаго чиновника передъ мѣднымъ всадникомъ», содержащій въ себѣ около 30 стиховъ и производившій «потрясающее впечатлѣніе», котораго тщетно доискивался кн. П. П. Вяземскій въ бумагахъ своего отца, зная объ его существованіи по фамильнымъ воспоминаніямъ. Полнаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія строки кн. П. П. Вяземскаго:

„Мнѣ все кажется, что великолѣпный монологъ танся вслѣдствіе какихъ либо тенденціозныхъ соображеній, такъ какъ въ немъ слишкомъ энергически звучала ненависть къ европейской цивилизаціи“

Неужели тутъ преднамѣренная утайка, и въ ней скрывается опасеніе, какъ бы авторитетомъ Пушкина не придать силы славянофильству? ***)

*) Истор. Вѣстн. Августъ, стр. 633. Курьезна послѣ этого кличка „либерально-олигархической“, данная теоріи Пушкина въ книжкѣ „Вѣнокъ на памятникъ Пушкину“ (стр. 156).

**) Соч. Пушкина, изд. Анненкова, I, 270.

***) Весьма подходящимъ къ ихъ взгляду оказывается и недавно приведенное у г. Стоюнина мнѣніе Пушкина, что „греческое вѣронсповѣданіе, отдѣльное

Но вѣдь позволили же намъ узнать, что Европа у Пушкина названа «обветшалой», и даже не прикрыли этого авторитетомъ Байрона, также выжившагося однажды: our outworn Europe (наша изношенная Европа)— конечно, уже вполне независимо отъ славянофильства. Да и вѣдь въ утѣшеніе такъ-называемымъ «западникамъ» можетъ служить то, что Пушкинъ, при всѣхъ своихъ наклоненіяхъ въ сторону такъ-называемаго «славянофильства» (столь же несомнѣнныхъ у него, какъ и у Грибоѣдова), видѣлъ въ нашей старой знати *все-же болѣе, чѣмъ видитъ въ ней И. С. Аксаковъ*, и видѣлъ, конечно, не безъ оттѣнка западнаго вліянія. Все то, напримѣръ, что говоритъ онъ о дворянской *чести*, очень отзывается «Наказомъ» Екатерины, въ «Наказъ» же попало цѣликомъ изъ «Esprit des lois» Montesquieu. Во взглядѣ Пушкина на дворянство, какъ на классъ, по самой своей обеспеченности независимый и просвѣщенный, а потому и способный по преимуществу служить нравственною опорой государству, все же есть (минусъ крѣпостничество) извѣстная связь со взглядами кн. М. М. Щербатова. У этого же послѣдняго взглядъ этотъ несомнѣнно заимствованъ у самой просвѣтительной философіи XVIII ст., которая, при всей своей казовой очищенности отъ всякихъ преданій, на самомъ дѣлѣ сохраняла въ себѣ извѣстный слѣдъ феодальной подпочвы западно-европейской цивилизаціи. Пушкинъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ коротко знакомъ со всею французскою литературою. Зналъ онъ и тѣхъ второстепенныхъ французскихъ писателей, у которыхъ зарождался настоящій демократизмъ, но перевѣшивающее вліяніе на него имѣли писатели съ *перевѣшивающимъ* талантомъ, а у нихъ, съ Вольтеромъ во главѣ, аристократизмъ, хотя и въ самомъ переработанномъ видѣ, былъ все же, такъ сказать, закваскою міросозерцанія. Сила вліянія этой чуждой стихіи не переставала и въ зрѣлые годы Пушкина бороться съ тяготѣніемъ его къ своему родному и, достигнувъ полной народной цѣльности въ творчествѣ, Пушкинъ, повидимому, оставался раздвоеннымъ, какъ мыслитель. Но этой раздвоенности, по всему вѣроятію, насталъ бы конецъ, если бы, по нѣсколько риторическому выраженію чешскаго адреса *), жизнь его «не сократила преждевременно святотатственная рука Запада»—въ лицѣ Геккерна и того служилаго русскаго нѣмца, который могъ бы, но не сумѣлъ предотвратить дуэль Пушкина.

Борьба въ самомъ Пушкинѣ народнаго съ чужимъ выяснится окончательно лишь тогда, когда будутъ открыты для насъ всѣ драгоценныя матеріалы. Если г. Анненковъ бережетъ ихъ для біографіи Пушкина въ Николаевскую эпоху, то онъ обязанъ поскорѣе подарить намъ это необходимое дополненіе къ своему прекрасному труду: «Пушкинъ въ Александров-

отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ“ (Истор. Вѣстникъ, августъ, стр. 634).

*) См. „Вѣнокъ на памятникъ Пушкина“, стр. 176.

скую эпоху». (Хорошо бы, если-бъ напечатанное теперь въ «Вѣстникѣ Европы» служило предвѣстникомъ скорого появленія въ свѣтъ этого новаго труда). Между тѣмъ, «Историческій Вѣстникъ» далъ намъ начало біографіи Пушкина, составляемой В. Я. Стоюнинымъ. Появившееся до сихъ поръ написано дѣльно и живо. Но какъ бы почтенному автору и далѣе не повредило нѣкоторое доктринерство, приводящее къ вдвиганію фактовъ въ заранѣ готовые рамки. Въ силу такого вдвиганія мѣстами тутъ замѣчается что-то въ родѣ историческаго фатализма. Пушкинъ получилъ первоначальное воспитаніе въ великосвѣтской офранцуженной средѣ; — но и то благо, и то добро. Г. Стоюнинъ увѣряетъ насъ, будто бы

«аристократическая русская семья въ началѣ настоящаго столѣтія стояла на почвѣ *космополитизма*, которая противопоставлялась почвѣ народной или мужицкой. Другаго значенія не имѣло слово народный. Если космополитизмъ, съ одной стороны, отрывалъ русскихъ людей отъ народной почвы и обезличивалъ ихъ, то, съ другой стороны, онъ приносилъ и большую пользу, какъ извѣстный моментъ нашего историческаго развитія: онъ воспитывалъ въ духѣ европейскаго просвѣщенія, онъ былъ связью Россіи съ Европою, онъ способствовалъ выясненію обще-человѣческихъ стремленій, которыя спасаютъ народы отъ гибельнаго застоя и даютъ историческое значеніе». (Ист. Вѣст., июнь, 291).

Неужели тотъ кругъ, въ которомъ суждено было родиться Пушкину и который, конечно, очень напоминаетъ Грибоѣдовскихъ героевъ, стоялъ на почвѣ *космополитизма*? Неужели слушаніе, разиня ротъ, каждаго француза доказываетъ причастность «духу европейскаго просвѣщенія», такъ что Чацкій стоялъ за «гибельный застой» и противодѣйствовалъ «общечеловѣческимъ стремленіямъ»? Правда, семья дала Пушкину цѣлую богатую бібліотеку иностранныхъ, преимущественно французскихъ авторовъ, но пресыщеніе этою умственною пищею не даромъ же привело его къ гиперболически - парадоксальному заключенію, что «французская словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила *)». Сужденіе о вліяніи ея на молодого Пушкина извѣстнаго лицейскаго директора Энгельгардта (человѣка умнаго и благороднаго) сводится, какъ извѣстно, къ тому, что «воображеніе его было осквернено всѣми эротическими произведеніями французской литературы **»). Вѣрность этого отзыва подтверждается тѣми произведеніями первой поры Пушкина, которыя, по собственному его выраженію, остались у него «на совѣсти». Не даромъ также называлъ онъ свое воспитаніе «проклятымъ» (что отчасти распространялось и на лицей). Конечно, вліяніе французской литературы

*) Соч. Пушкина, изд. Анненкова. V, 25.

**) Самъ г. Стоюнинъ приводитъ этотъ отзывъ. (Ист. Вѣст. июнь, 241). По всей вѣроятности не что иное, какъ это, составляетъ долю правды и въ гиперболическомъ отзывѣ озлобленнаго за что-то на Пушкина М. А. Корфа, будто поэтъ нашъ въ лицей „превосходилъ всѣхъ въ чувственности, а послѣ въ свѣтѣ предался распутствамъ всѣхъ родовъ, проводя дни и ночи въ непрерывной цѣпи вакханалій и оргій“. (Брошюра кн. П. П. Вяземскаго, стр. 48 и 49).

на Пушкина не сводится лишь на одно зараженіе его воображенія. Конечно, вліяніе имѣлъ на него не только какой-нибудь Парни и т. п., но и самъ Вольтеръ—не исключительно какъ авторъ Кандида и другихъ повѣстей того же покроя, но и какъ умственный властелинъ современной ему Европы, оракулъ и законодавецъ эпохи «просвѣщеннаго деспотизма». Но неужели и тѣ стороны его рационалистическаго исповѣданія, которыя приводили его къ самымъ презрительнымъ отношеніямъ къ непросвѣщенному народу, постоянно обзываемому у него *la canaille*, слѣдуетъ относить къ «общечеловѣческимъ стремленіямъ?» Если Пушкинъ, не смотря на ревностную защиту имъ даже и нашей, такъ-называемой, «интеллигенціи», ни мало однако же не проникся культурнымъ презрѣніемъ къ *массѣ*, то слѣдуетъ-ли поставить ему дурную отмѣтку за невольнѣ, стало-быть, усвоенный курсъ французской просвѣтительной философіи?... Впрочемъ, можно подумать, что и Пушкинъ проникся презрѣніемъ къ народу, если послушать автора «Очерковъ Пушкинской Руси,» (печатавшихся въ «Молвѣ» предъ самымъ Пушкинскимъ праздникомъ, а затѣмъ появившихся и отдѣльно). Правда, авторъ сначала васъ увѣряетъ, что Пушкинъ, хотя и «аристократъ, помѣщикъ по происхожденію», въ своихъ отношеніяхъ къ «низшей братіи» всегда оставался простымъ гуманнымъ человѣкомъ, что онъ «видѣлъ въ этомъ жалкомъ рабѣ человѣка». Но потомъ вы узнаете, что въ своей «Лѣтописи села Горохина» Пушкинъ представилъ нѣчто въ родѣ «Исторіи одного города» Щедрина. Вы недоумѣваете, зная, что подъ этимъ «городомъ» нашъ современный сатирикъ разумѣлъ всю Русь—и съ той земской ея стороны, которая ярко въ свое время проявлялась въ исторіи и была совершенно пришиблена уже въ наши «культурныя» времена, а затѣмъ еще и осмѣяна *), заодно съ подавившей ее казенщиной, современнымъ «культурнымъ» писателемъ! Сколько вы помните, Пушкинъ не представлялъ образцовъ того ложнаго рода, который однимъ критикомъ Щедрина названъ «историческою сатирою». Но авторъ «Очерковъ Пушкинской Руси» представляетъ вамъ и свои доказательства: «Лѣтопись села Горохина» выставляетъ, по его увѣренію, и самый мужицкій языкъ, бѣдный и странный, «со всякими сокращеніями и услѣченіями, обнаруживающій жалкое умственное развитіе этихъ полудикарей»... Въ этой «Лѣтописи» не забыта и обыкновенная кабацкая народная музыка—балалайка и волынка, и въ заключеніе приводится даже образецъ просто-народной пѣсни:

*) Съ этимъ мы не можемъ согласиться. Въ «Исторіи одного города» осмѣяна не земская русская жизнь, какъ таковая, а та сторона ея, которая отмѣчена отсутствіемъ сознанія достоинствъ личности человѣка, неумѣніемъ оцѣнить начала свободы, лежавшія въ основѣ формъ ея жизни, неминуемымъ послѣдствіемъ чего получилась полная неспособность дать энергическій отпоръ казенщинѣ, охватившей ее незамѣтно для нея самой и задавившей ее, какъ бы во время ея сна, и безсиліе сохранить то, что обѣщало великую и прекрасную будущ-

Ко боярскому двору

Якимъ староста идетъ... и т. д.

Какъ же такъ, думаете вы,—не Пушкинъ-ли находилъ, что «изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка, и критики наши напрасно ими презираютъ»; не онъ ли утверждалъ, что разговорный языкъ простаго народа достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій «и что намъ не худо бы иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ» *). А дѣло объясняется просто. «Лѣтопись села Горохина (на это уже давно обратилъ вниманіе покойный Ал. Григорьевъ) написана Пушкинымъ отъ имени Ивана Петровича Бѣлкина, и носитъ на себѣ отпечатокъ воззрѣній этого человѣка, далеко не глупаго и добродушнаго, однако же исповѣдающагося передъ читателемъ въ томъ, что однажды не только «погрозилъ ямщику побоями, но и на самомъ дѣлѣ три раза ударилъ его». И къ своимъ мужикамъ Иванъ Петровичъ хотя и добръ, но все же смотритъ на нихъ съ неизбѣжной въ его средѣ высоты своего барскаго величія. Съ другой стороны, хотя онъ и воспитанъ, по его собственному признанію, на мѣдный грошъ, все-таки онъ начитался

ность. Много было дано намъ, но изъ этого многого много и потеряно. Если казенщина виновна въ томъ, что пришибла земскую русскую жизнь, то не менѣе виновна, даже можетъ болѣе, и послѣдняя, допустивши пришибить себя, виновна въ исключимости, какой-то нравственной лѣни, выразившихся только въ одной угрозѣ утѣшителямъ: „разойтись врозь, оставить землю впустъ“, благо просторомъ наградила Господь, въ отсутствіи стремленія къ гражданской полноправности и свободѣ. Мы не менѣе другихъ глубоко понимаемъ и высоко цѣнимъ тѣ духовныя сокровища, которыя сохранили русскій народъ въ душѣ своей и въ основѣ своего быта и которыя служатъ залогомъ, быть можетъ, лучшей для него, чѣмъ для другихъ народовъ, будущности—о чемъ здѣсь не мѣсто говорить—но нельзя закрывать глаза и на отрицательныя стороны нашей жизни Самообольщеніе въ этомъ отношеніи неразумно и опасно. И благо писателю, который въ живой картинѣ пороковъ и недостатковъ, глубоко залегшихъ въ природу русскаго человѣка, будитъ въ немъ сознаніе ихъ и отрезвленіе. По истинѣ, горькимъ чувствомъ наполняется душа, когда, созерцая исторію русской жизни, видишь, сколько погребено ея сокровищъ, погребено и завалено на глухо разнымъ мусоромъ, и чувствуешь себя, какъ бы наслѣдникомъ великаго имущества, обремененнаго громадными долгами, имущества, котораго даже и инвентаря не составлено. Горькое чувство овладѣваетъ душою, когда представишь себѣ, какія неоцѣненныя богатства утрачены, и стоишь въ тяжкомъ раздумьи, какъ обрѣсти ихъ вновь! Это самое горькое чувство вызвало въ душѣ нашего высоко-талантливаго сатирика „исторію одного города“. И мы, сознаемъ откровенно, не можемъ себѣ уяснить, почему такой родъ сатиры ложенъ.

Ред.

*) Соч. Пушкина, изд. Анненкова, V, 34, 43. Когда, вспоминаетъ И. С. Аксаковъ, критики однажды напали на Пушкина за его стихъ: Людская молвь и конскій топъ... утверждая, что это не по русски, Пушкину пришлось уличать критиковъ въ безграмотности и невѣжествѣ цитатами изъ сборника Кирши Давилова. (Р. Архивъ 1880 г. II, 476).

кое-чего во вкусъ конца XVIII и начала XIX ст., и самый штиль его носить на себѣ отпечатокъ стремленія выказать отчасти свою «культурность». Произнося съ этой точки зрѣнія строгій приговоръ надъ языкомъ Горохинскимъ, онъ однако же признаетъ его за «отрасль языка Славянскаго», хотя и съ оговоркою, что онъ «столь же разнится отъ него, какъ и русскій». Что же касается того, будто бы языкъ Горохинцевъ «обнаруживаетъ жалкое умственное развитіе этихъ полудикарей», то это мнѣніе даже не И. П. Бѣлкина, а самого автора «Очерковъ Пушкинской Руси». За послѣднее время какъ-то вошло у насъ въ моду проповѣдывать гуманныя чувства и либеральныя взгляды посредствомъ приравниванія русскаго мужика къ дикарю или даже скоту. Пушкинъ, при всемъ своемъ культурномъ аристократизмѣ, всегда былъ и слишкомъ уменъ, и слишкомъ благороденъ для подобнаго взгляда. У него можно найти зачатки «Записокъ Охотника», народныхъ очерковъ Л. Толстаго, но никакъ не щеринской «Исторіи одного города», а тѣмъ менѣе Глѣбовъ Успенскихъ и tutti quanti.

Между тѣмъ, толкуя по своему и «*Дубровскаго*», авторъ «Очерковъ Пушкинской Руси» увѣряетъ насъ, будто и тутъ крестьянство выставлено такимъ образомъ, что въ немъ «попрано всякое человѣческое достоинство», такъ что ожесточеніе приводитъ его «къ безчеловѣчному сожженію четырехъ живыхъ людей въ запертомъ домѣ». Но кто хоть разъ прочиталъ «*Дубровскаго*» безъ предвзятой мысли, тотъ, конечно, никогда не забудетъ, какъ тотъ же самый поджигатель кузнецъ, съ опасностью для себя, спасаетъ изъ пламени кошку, вразумляя потѣшающихся надъ нею ребятъ: «Божія тварь погибаетъ, а вы сдуру радуетесь». Подмѣтъ такую черту современный писатель, онъ бы, конечно, предположилъ тутъ культурное вліяніе на мужика «общества покровительства животныхъ» — но вѣдь въ ту пору такого общества не существовало. Пушкинъ же видѣлъ тутъ слѣдъ добродушія даже въ развирѣпѣвшемъ русскомъ человѣкѣ. Не даромъ же зналъ нашъ поэтъ, что созданный творчествомъ простаго народа богатырь-крестьянинъ, избѣгая напрасной крови, не задумывается однако же раззорить гнѣздо Соловья-разбойника. Гибель безвредной кошки и представляется Архипу кузнецу *напрасною кровью*, а кровопійцы приказныя, запираемые ими на ключъ въ зажженномъ домѣ, на взглядъ его вовсе даже не люди!

Но «Очерки Пушкинской Руси» самую нашу природу считаютъ изображенною у Пушкина такимъ образомъ, что послѣ этого «становится понятна мертвящая вѣковая спячка нашего народа и насъ самихъ».... «А еще требуютъ отъ Пушкина, замѣчаетъ авторъ, чтобы онъ представлялъ какую-то интеллигенцію въ этой странѣ мятежей и снѣговъ». Требовали отъ него и изображенія хорошей русской женщины, но и тутъ, по мнѣнію автора, опять приходится сказать, что на нѣтъ и суда нѣтъ. Но какъ же однако самъ Пушкинъ былъ совершенно другаго мнѣнія? «Не

смѣшно-ли, спрашивалъ онъ, почитать женщинъ, которыя такъ часто поражаютъ насъ быстротою понятія и тонкостью чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? *Это особенно странно въ Россіи, гдѣ царствовала Екатерина II и гдѣ женщины вообще болѣе просвѣщенны, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ за европейскимъ ходомъ вещей, нежели мы, гордые Богъ вѣдаетъ почему?* *)

Добродушно выражаясь тутъ въ первомъ лицѣ, нашъ поэтъ просто взводитъ на себя напраслину. Не лишенный, конечно, извѣстнаго права *гордиться*, онъ, по глубокой нравственности своей природы, постоянно отказывался отъ этого права, какъ это видно изъ его отношеній къ обыкновеннымъ смертнымъ, къ подростающему поколѣнію, къ начинающимъ способностямъ и т. п. Выполни чуждымъ всякой *гордости* постоянно оставался Пушкинъ и по отношенію къ русской природѣ и жизни. Едва ли какой поэтъ былъ когда-нибудь такъ невѣрно понятъ, какъ это случилось съ Пушкинымъ у автора «Очерковъ Пушкинской Руси» **). Но вотъ за то настоящій взглядъ на дѣло, высказанный въ одной изъ тѣхъ рѣчей, которыя «не чета другимъ».

„Пушкинъ первый въ нашей литературѣ, замѣтилъ И. С. Аксаковъ, отнесся не только къ русской природѣ, но и къ воспроизведеннымъ имъ явленіямъ Русской бытовой жизни, съ ихъ положительной стороны и при томъ съ такою вѣрностью, которой могъ бы позавидовать любой реалистъ нашего времени. Вспомните его изображенія русской уѣздной сельской жизни въ «Опѣгивѣ», его «Капитанскую дочку» и множество другихъ: сколько въ нихъ правды, и какъ эта правда согрѣта и освѣщена теплымъ свѣтомъ сочувствія, но въ то же время ограждена въ читателѣ отъ ложной окраски тонкою, незлобивою ироніею! Вотъ эта способность шутки, это присутствіе ироніи въ умѣ—тоже коренная народная черта истинно русскаго человѣка. Это постоянно присущій русскому духу антидотъ противъ всякой излишней, а потому и фальшивой идеализаціи и противъ собственнаго самообольщенія». (Р. Архивъ 1880 г., II, 477). «Пушкинъ, говоритъ тотъ же ораторъ далѣе, не былъ поэтомъ отрицанія.... Кстати можно привести и собственные слова Пушкина: «Нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви». (Тамъ же, стр. 478). ***)

Послѣ всего этого И. С. Аксаковъ, кажется, имѣлъ полное право спросить о Пушкинѣ:

*) Соч. Пушкина, изд. Анненкова, V, 15.

**) Совсѣмъ не вѣрно, по моему мнѣнію, замѣчаніе рецензента „Историч. Вѣстника“ (августъ, стр. 782), будто „Очерки Пушкинской Руси“—просто „отрывочная передача, правда, въ восторженной формѣ, давно сказаннаго Бѣлинскимъ“. Что касается восторженности, то она несомнѣнно сказывалась у Бѣлинскаго, и даже самое лучшее у него именно то, что восторженно. Но въ „Очеркахъ Пушкинской Руси“ нѣтъ на самомъ дѣлѣ ни восторженности, ни сколько-нибудь вѣрнаго отраженія взглядовъ Бѣлинскаго. Они—сами по себѣ, а всего менѣе въ нихъ и Руси, и Пушкина.

***) В. Я. Стоюнинъ въ VI гл. своей біографіи Пушкина (Истор. Вѣстникъ, Октябрь) очень кстати напомнилъ слова поэта: „гдѣ у меня сатира? О ней и помину нѣтъ въ Евгениі Опѣгивѣ“ (стр. 253).

«Можно-ли толковать серьезно о какомъ бы то ни было вліяніи на него Байрона? Не было геніевъ болѣе другъ другу по природѣ своего творчества противоположныхъ... Онъ называетъ Байрона «поэтомъ гордости», «мрачнымъ, какъ море». Пушкинъ же былъ поэтомъ дневнаго блага свѣта, а личной гордости въ немъ нѣтъ и тѣни». (Тамъ же, стр. 480).

Значительно иначе посмотрѣлъ на это профессоръ Н. И. Стороженко въ своей рѣчи объ отношеніи Пушкина къ иностранной словесности. Пушкинъ, по выраженію этого оратора,

„подпалъ подъ могучее вліяніе“ Байрона, и „не одной силой таланта условливалось это вліяніе“... „Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга... озлобленный противъ власти, полный презрѣнія къ обществу, которое эгоистически отвернулось отъ него въ минуту невзгодъ... Такое настроеніе было какъ нельзя болѣе благоприятно для воспринятія байронизма“....

Я думаю, впрочемъ, что участія этихъ «личныхъ причинъ» для байроновскаго вліянія не станеть отрицать и И. С. Аксаковъ, какъ съ другой стороны и проф. Стороженко не отрицаетъ, что вліяніе Байрона было не продолжительно (а, стало быть, и не коренилось въ самой природѣ Пушкина). Кромѣ того, г. Стороженко признаетъ байронизмъ Пушкина «низведеннымъ до самыхъ скромныхъ размѣровъ», но онъ при этомъ усматриваетъ въ немъ и своеобразную окраску, данную уже нашею жизнью. «Байроновскій индивидуализмъ, говоритъ г. Стороженко, эта апотеоза личности въ борьбѣ ея съ обществомъ и его устарѣлыми предразсудками, превратилась на русской почвѣ въ обожаніе собственной личности и презрѣніе ко всякой чужой». Вотъ съ этимъ никакъ не согласился бы И. С. Аксаковъ, видящій въ самомъ Байронѣ «обожаніе собственной личности». Но такъ же смотрѣлъ и самъ Пушкинъ, отозвавшись о Байронѣ, что въ «унылый романтизмъ» облеклось у него ни что иное, какъ «безнадежный эгоизмъ». Въ этихъ двухъ словахъ—глубина пониманія: эгоизмъ тотъ былъ именно *безнадежный* и сталъ наконецъ *ненавистенъ* самому Байрону *).

Если кто изъ иностранныхъ поэтовъ имѣлъ на Пушкина не мимолетное, но въ то же самое время и не порабощающее вліяніе, то это, конечно, всемірно-воспитательный геній Шекспира, на что и указано проф. Стороженко, умѣвшимъ оцѣнить и геніальную глубину пониманія особенностей Шекспира Пушкинымъ. Кромѣ того, г. Стороженко указалъ и на одну психологическую черту, самобытно внесенную нашимъ поэтомъ въ свою передѣлку Шекспировскаго Анджели (можно было бы за одно указать и на столь-же самобытную Пушкинскую варьяцію темы о Фаустѣ).

*) Я намекнулъ на это въ своей рѣчи о Пушкинѣ, напечатанной въ іюльской книжкѣ *Русской Мысли*. Взглядъ этотъ вполнѣ выясняется въ послѣдней главѣ моего этюда о Байронѣ, котораго двѣ первыхъ главы напечатаны были въ *Вѣстникѣ Европы* 1877 г. (Февраль и Апрель). Редакція отказалась отъ напечатанія послѣдней главы, т. е. не дала мнѣ высказаться до конца.

Самобытность Пушкина является господствующим мотивом во всѣхъ рѣчахъ. Но въ нѣкоторыхъ о ней говорится прямо и смѣло, въ другихъ же замѣтно въ этомъ отношеніи какое-то «хожденіе вокругъ да около».

Между тѣмъ, по мнѣнію одного изъ ораторовъ, А. Н. Островскаго, Пушкинъ, именно

„завѣщаль намъ искренность, самобытность, завѣщаль каждому быть самимъ собою, даль всякой оригинальности смѣлость, даль смѣлость русскому писателю быть русскимъ“.

Какъ же это именно *смѣлости*-то и не хватило во многихъ рѣчахъ на Пушкинскомъ праздникѣ,—и это совершенно помимо цензурныхъ соображеній? Такъ даже И. С. Тургеневъ заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что онъ «не рѣшается дать Пушкину названіе національно-всемирнаго поэта, хотя и не дерзаетъ его отнять у него». Другой ораторъ, И. С. Некрасовъ выразился, по крайней мѣрѣ, опредѣлительно, указавъ на «весьма неблагоприятныя условія, не давшія гению Пушкина приобрѣсть мировое значеніе». А вѣдь по мнѣнію (и вполне справедливому) одной изъ нашихъ *нѣмецкихъ* газетъ (St.-Petersburger Herold) «народъ, чествующій своего поэта, чтитъ самъ себя». Но не въ этомъ-ли и разгадка, почему мы далеко не единодушно сказали нашему поэту:

Во всемирномъ пантеонѣ
Твой уже воздвигся лигъ,
Ужъ тебя поетъ и славить
Всякъ народъ и всякъ языкъ *).

Вѣдь проводить его во «всемирный пантеонъ» значитъ проводить туда и свою народность.

„Истинный поэтъ, поясняетъ „St.-Petersburger Herold“, освободившійся отъ узъ подражанія иноземному творчеству, крѣпко стоитъ на почвѣ своей народности, онъ черпаетъ изъ народа съ тѣмъ, чтобы возвратить тому же народу въ облагороженныхъ образахъ то, что заимствовано изъ него“ **).

Но нашей-ли сиволапой Руси лѣзть вмѣстѣ съ Пушкинымъ въ пантеонъ? Гдѣ намъ дуракамъ чай пить!

„Художество, какъ воспроизведеніе, воплощеніе идеаловъ, лежащихъ въ основахъ народной жизни и опредѣляющихъ его духовную и нравственную физиономію, составляетъ одно изъ коренныхъ свойствъ человѣка“....

Такъ было началъ И. С. Тургеневъ, введя, такъ сказать, *народность* въ самую сущность художества. Но далѣе начинаются оговорки.

„Поддѣлываться подъ народный тонъ, вообще подъ народность—также неумѣстно и бесплодно, какъ подчиняться чужимъ авторитетамъ; лучшимъ доказательствомъ тому служатъ: съ одной стороны, сказки Пушкина, съ другой — Русланъ и Людмила, самыя слабыя, какъ извѣстно, изъ всѣхъ его произведеній“.

*) Стихи А. Н. Майкова.

***) Вѣнокъ на памятникъ Пушкину, стр. 116.

Впрочемъ, въ этой оговоркѣ Тургеневъ, можно сказать, даже сходится не съ кѣмъ другимъ, какъ съ Аксаковымъ, замѣтившимъ въ своей рѣчи:

„Русская, стало быть, и вполне народная стихія, слышится у Пушкина едва ли не болѣе тамъ, гдѣ онъ не ставитъ себѣ „народность“ внѣшнюю цѣлью“.
(*Р. Архивъ*, 1880 г. II, 475).

Далѣе мы встрѣчаемся у Тургенева съ другой оговоркой:

„Выставлять лозунгъ народности въ искусствѣ, поэзи, литературѣ свойственно только племенамъ слабымъ.... Поэзія ихъ должна служить.... сбереженію самаго ихъ существованія. Слава Богу, Россія не находится въ подобныхъ условіяхъ“....

Но и рѣчь Аксакова признаетъ у насъ

«то странное явленіе, которому почти нѣтъ подобнаго въ другихъ странахъ, именно: что сама народность въ народѣ становится объектомъ сознанія, внѣшней цѣлью, искомымъ... что въ русской землѣ могло возникнуть отдѣльное русское же направленіе»....

Но Аксаковъ не ограничивается указаніемъ на *странность* явленія, онъ старается при этомъ *истолковать* его вполне естественною реакціею тому, что

«русская земля подверглась внезапно страшному внѣшнему и внутреннему насилванію: рукою палача совлекался съ русскаго человѣка образъ русскій и напялывалось подобіе общеевропейца»...

У Тургенева же явленіе, уподобляющее насъ народу, лишившемуся независимости, просто осуждается, и рѣчь знаменитаго романиста все болѣе и болѣе задается урѣзывать понятія о *народности* посредствомъ противопоставленія ея *національности*... Тутъ, конечно, уже не оказывается совпаденія со взглядомъ Аксакова.

«Какой же великій поэтъ, спрашиваетъ Тургеневъ, читается тѣмъ, кого мы называемъ простымъ народомъ? Нѣмецкій простой народъ не читаетъ Гете, французскій—Мольера, даже англійскій не читаетъ Шекспира. Ихъ читаетъ нація»....

Все это ведетъ къ тому, что и Пушкинъ не *народный*, а *національный* поэтъ. Очень дерзко будетъ, конечно, противопоставить авторитету Тургенева голосъ представителя нашего простаго народа, сказавшійся по случаю Пушкинскаго праздника въ «Русскомъ Курьерѣ» и «Голосѣ». Крестьянину Тверской губерніи Желнобобову казалось, что хорошо бы было въ какой-нибудь изъ рѣчей «сопоставить Пушкина и наше время — время свободнаго народнаго труда, *когда великій поэтъ становится доступенъ этому народу*» *). Съ радостью увѣрялъ онъ, что «Пушкинъ былъ и крестьянскій поэтъ», что

„въ свѣтлой и гениальной душѣ его была теплая струнка и къ этому у насъ сословію, которое по барѣки считается низкимъ, по человѣчески же и по житейски, или же прямо по божьи, оно есть *выше встѣх*: на немъ, какъ на огромнѣйшемъ и сильнѣйшемъ столбѣ, все наше государство стоитъ“.

* „Вѣнокъ“, стр. 160 и 193.

Можно, конечно, сказать, что этотъ внезапный публицистъ крестьянинъ просто подставленъ какими-нибудь почитателями Пушкина съ славянофильскимъ пошибомъ! Да,—но въ самомъ заподозрѣваніи его *подлинности* не сказывается ли своего рода *барство*? Тургеневъ разграничиваетъ *народное* съ *національнымъ*, опирающемся, очевидно, на мнѣніи, что *народу*, т. е., выражаясь прямо, *простонародью* принадлежитъ въ жизни *націи* роль исключительно грубой, *стихійной силы*.

Для бѣдльшей убѣдительности—Тургеневъ безпристрастно указываетъ и на великихъ поэтовъ запада: поймите, что и они не доступны всему народу! Но какъ ни великъ авторитетъ Тургенева—уже потому, что онъ долженъ быть признаваемъ за непосредственнаго наблюдателя западной жизни, за *очевидца*,—да будетъ позволено усомниться въ томъ, чтобы великіе поэты Германіи, Франціи и Англіи были уже совершенно недоступны своему простому народу. Они, конечно, гораздо менѣе доступны ему, чѣмъ привилегированнымъ классамъ,—потому что простой народъ и тамъ, какъ вездѣ, остается по преимуществу обреченнымъ на тяжелый физическій трудъ. Но на сколько при этомъ трудѣ доступна духовная пища, на столько грамотный простолюдинъ на западѣ, при помощи дешевыхъ изданій великихъ писателей, можетъ читать ихъ и узнавать у нихъ кое въ чемъ—плоть отъ своей же плоти и кость отъ своихъ же костей. И у насъ крестьянину Желнобобову не зачѣмъ быть непременно подставнымъ лицомъ, а есть полная возможность вѣрить въ реальное существованіе цѣлаго множества Желнобобовыхъ въ будущемъ,—только бы завелись и дешевыя изданія, и побольше хорошихъ (но не принудительныхъ) школъ и, главное, та обеспеченность и довольство, при которыхъ бы было досужно крестьянину не давать «зарости тропѣ» къ нерукотворному памятнику поэта. Вѣдь Пушкинъ не даромъ же говорилъ объ этой «народной» тропѣ. Онъ, можетъ быть, доступнѣе для общаго пониманія всѣхъ другихъ міровыхъ поэтовъ—по тѣмъ свойствамъ своей поэзіи, на которыя, по свидѣтельству самого же Тургенева, указалъ извѣстный французскій писатель Мериме. «Ваша поэзія, говорилъ онъ нашему славному романисту, ищетъ прежде всего правды, а красота потомъ является сама собою.... У Пушкина поэзія самымъ чудеснымъ образомъ разцвѣтаетъ какъ бы сама собою изъ самой трезвой прозы»... Но если Пушкинъ, по мнѣнію иностраннаго цѣнителя, отличается этими качествами передъ великими поэтами другихъ странъ, то такая его особенность должна объясняться характеристическими чертами его народа.

„Русскій въ душѣ, поясняетъ въ своей рѣчи С. А. Юрьевъ, онъ былъ также далеко отъ отвлеченнаго идеализма, какъ и отъ грубаго реализма, не идущаго далѣе внѣшности явленія; въ немъ жило то трезвое, живое чувство правды, которое схватываетъ всѣ факты и явленія жизни въ ихъ цѣльной дѣйствительности и безъ чуждыхъ имъ красокъ. Его великій духъ былъ исполненъ той святой простоты, въ силу которой русскій человѣкъ совершаетъ великій нравственный подвигъ, не замѣчая даже его величія, какъ дѣло простое,

заурядное, чему примѣровъ знаетъ каждый изъ насъ не мало“. (Русская Мысль, июль, стр. 5.)

Но не самъ-ли Тургеневъ выставилъ въ свое время съ тою же самою «святою простотою» это свойство *простаго* русскаго человѣка,—еще находившагося подъ крѣпостнымъ ярмомъ! Не онъ-ли въ своихъ «Живыхъ Мощахъ» далъ безграмотной, вѣчно прикованной къ одру болѣзни крестьянкѣ понять чуткимъ сердцемъ Орлеанскую дѣву, да и вообще по широтѣ своихъ сочувствій явиться по истинѣ тѣмъ «всечеловѣкомъ», о которомъ говорилъ въ своей рѣчи Ѳ. М. Достоевскій.

Относительно И. С. Тургенева, мы невольно останавливаемся передъ вопросомъ: отчего его *творчество* говоритъ одно, а его *мысленіе* совсѣмъ другое? Между тѣмъ, какъ «Записки охотника» остаются самой яркой уликой во лжи для жалкихъ его эпигоновъ, какимъ это чудомъ нѣкоторыми изъ своихъ разсужденій онъ какъ будто бы хочетъ придать авторитетъ этимъ господамъ, съ огульнымъ развирѣпѣніемъ бурсака, только что вышедшаго изъ-подъ розги, опрокидывающимся не только на «унизителей» и «оскорбителей», но и на самихъ «униженныхъ» и «оскорбленныхъ».

Но остановимся теперь на томъ, кому принадлежатъ эти выраженія и кто увѣнчалъ своей рѣчью праздникъ — на Ѳ. М. Достоевскомъ. Вотъ у него совсѣмъ уже не «хождение вокругъ да около», — все становится прямо ребромъ, безъ всякой «умѣренности и аккуратности». Спорить съ нимъ, разумѣется, можно, и даже съ успѣхомъ, останавливаясь на частностяхъ; но сила вовсе не въ этомъ, а въ томъ, чтобы схватить его мысль въ ея *цѣлости*. Къ частностямъ отношу я самыя характеристики Татьяны, Онѣгина и Алеко. На счетъ Татьяны съ Достоевскимъ можетъ поспорить не одинъ авторъ «Очерковъ Пушкинской Руси», находящій возможнымъ отнести Татьяну, за московскія ея отношенія къ Онѣгину, къ разряду «неприступныхъ великосвѣтскихъ львицъ». Нѣтъ надобности стоять на подобной точкѣ зрѣнія, чтобы видѣть нѣкоторое преувеличеніе въ словахъ Достоевскаго про Татьяну: «это типъ положительной красоты, это апофеоза русской женщины», хотя и нельзя не видѣть много вѣрнаго въ словахъ С. А. Юрѣва:

«вы чувствуете, что эта самая Татьяна съ такою же святою непосредственною правдою въ душѣ взойдетъ, ни минуты не колеблясь, прежнею безстрашною Таней на эшафотъ или костеръ, если того потребуетъ долгъ святой правды и высшая любовь.»

Дѣло въ томъ, что всходить на эшафотъ и на костеръ оказываются способными и не во всѣхъ отношеніяхъ возвышенныя лица. Самъ Пушкинъ показалъ намъ геройскую смерть весьма заурядныхъ людей въ *Катинской дочкѣ*, какъ напомнилъ о томъ въ своей рѣчи А. И. Незеленовъ. Что Татьяна выходитъ замужъ, уступая мольбамъ своей матери и не любя этого стараго генерала,—черта, конечно, выхваченная изъ дѣйствительности—но, разумѣется, не изъ положительныхъ сторонъ дѣйстви-

тельности. Точно также не становясь въ ряды тѣхъ эманципаторовъ женщины, которые оказываютъ ей этимъ самую медвѣжью услугу, можно не согласиться съ мнѣніемъ Достоевскаго, «что такой красоты положительный типъ русской женщины (какъ типъ Татьяны) почти уже и не повторялся въ нашей художественной литературѣ — кромѣ развѣ образа Лизы въ *Дворянскомъ мнѣздѣ* Тургенева». Можно замѣтить, что Елена того же Тургенева, посвящая себя, послѣ смерти мужа, уходу за ранеными и больными въ Болгаріи, скорѣе «избираетъ благую часть», чѣмъ Лиза, идущая въ монастырь. Но, возвращаясь къ Татьянѣ, нельзя не признать въ ней вмѣстѣ съ Достоевскимъ положительную черту въ томъ, что она не хочетъ основать своего счастья на несчастіи другаго—хотя бы этого старика генерала, которому все же она сама дала слово (хотя сочувственныя стороны этого старика составляютъ только предположеніе Достоевскаго). Точно также, просто по здравому смыслу, нельзя съ нимъ не согласиться и въ томъ, что,

если бы даже Татьяна стала свободною, если бъ умеръ ея старый мужъ и она овдовѣла, то и тогда бы она не пошла за Онѣгинымъ... Вѣдь она уже видитъ, кто онъ такой: вѣчный скиталецъ, увидѣлъ вдругъ женщину, которою прежде пренебрегъ, въ новой блестящей, недосыгаемой обстановкѣ, — да вѣдь въ этой-то обстановкѣ, пожалуй, и вся суть дѣла. Вѣдь этой дѣвчонкѣ, которую онъ чуть не презиралъ, теперь поклоняется свѣтъ, — свѣтъ, этотъ страшный авторитетъ для Онѣгина, не смотря на всѣ его міровыя стремленія... Да развѣ этого не видитъ въ немъ Татьяна, развѣ она не разглядѣла его уже давно? Вѣдь она твердо знаетъ, что онъ въ сущности любитъ только свою новую фантазію, а не ее, смиренную, какъ и прежде, Татьяну!... Любитъ фантазію, да вѣдь онъ и самъ фантазія! Вѣдь если она пойдетъ за нимъ, то онъ завтра же разочаруется и взглянетъ на свое увлеченіе насмѣшливо.

Вотъ въ чемъ нельзя не признать самага трезваго отпора взгляду, пущенному въ свое время въ ходъ Бѣлицскимъ и окончательно исчерпанному тѣми его послѣдователями, у которыхъ совсѣмъ не стало громко говорившаго въ немъ спасительнаго идеализма. Въ силу этого взгляда, женщина обязана слѣдовать своему влеченію, т. е., по просту, кидаться на шею всякому, кто пригланется и поманить, т. е. она обязана становиться тѣмъ, что презрительно обозначается въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ словомъ: *наметкинья*. Но не въ одной сербской, и въ нашей народной поэзіи женщина, легко кидаящаяся на шею, вызываетъ къ себѣ презрѣніе. Да и въ народной поэзіи всѣхъ странъ существуетъ типъ гордой, неподатливой женщины, служащей, конечно, однимъ изъ проявленій высокаго идеальнаго начала въ умѣ и воображеніи народа. Пушкинская Татьяна, по своимъ московскимъ отношеніямъ къ Онѣгину, является какъ бы литературнымъ воспроизведеніемъ этого народнаго типа, а критика наша тутъ, какъ и во многомъ, не хотѣла понять органической связи поэзіи Пушкина съ народною почвою (именно *народною*, а не только *національною*). Но Достоевскій, какъ въ свое время Ап. Григорьевъ, становится въ критикѣ въ уровень съ творчествомъ Пушкина. Между

тѣмъ, въ частности можно съ нимъ поспорить и на счетъ Онѣгина. Можно думать, во-первыхъ, что Онѣгинъ, изученный Татьяною по откътамъ его на книгахъ, былъ на самомъ дѣлѣ проще, честнѣе и добродушнѣе, чѣмъ самъ выставлялъ себя (онъ въ этомъ смыслѣ вѣрно понятъ въ рѣчи г. Незеленова). Съ другой стороны, не много-ли однако же чести относить его къ тѣмъ «міровымъ страдальцамъ», о которыхъ говоритъ Достоевскій, хотя онъ и не ставитъ ихъ черезъ-чуръ высоко, замѣчая, что въ нихъ, «такъ много подъ часъ лакейства духовнаго». Какъ ни мѣтко замѣчаніе, что Ленскій могъ быть убитъ подобнымъ страдальцемъ «можетъ быть отъ хандры по міровому идеалу»,—но въ Онѣгинѣ-то хандра, говоря языкомъ философскимъ, едва-ли имѣла такой высокой объектъ. Онѣгинъ просто открываетъ въ нашей литературѣ рядъ неудачниковъ и лишннихъ людей, но вѣдь они еще не міровые страдальцы. «Учившись, какъ мы всѣ, понемногу—чему нибудь, да какъ нибудь», онъ оторвался отъ непосредственной жизни, и не знаетъ, какъ примѣнить къ дѣлу то, что вычитано имъ изъ книжекъ. Между тѣмъ, «наука наслажденій» извѣдана имъ вполне, и пресыщеніе ею поддерживаетъ въ немъ пресыщеніе своимъ малознаніемъ, а то и другое вмѣстѣ становится самою благодарною почвою для воспріятія байроновской разочарованности. Также слишкомъ много чести, какъ Онѣгину, дѣлаетъ Достоевскій и герою «Цыганъ» Алеко, возводя его въ санъ того «русскаго скитальца», которому «необходимо всемірное счастье, чтобы успокоиться;—дешевле онъ не помирится». Я, съ своей стороны, думаю, что Алеко сложился еще у Пушкина подъ прямымъ вліяніемъ Байрона (и отчасти Руссо), но самостоятельность Пушкина ярко сказалась уже въ этой поэмѣ тѣмъ, что онъ тутъ же и обнажилъ эгоистическій корень байронизма, именно *корень* (а не напластованіе, яко бы полученное имъ на Руси). Я указалъ на это въ своей рѣчи *), но дѣло теперь не въ томъ.

Замѣчательно, что въ пониманіи не только Онѣгина, но и Алеко, какъ русскихъ огорченныхъ людей, Достоевскій отчасти совпадаетъ во взглядѣ съ авторомъ «Очерковъ Пушкинской Руси», у котораго оба они—также

„печальные странники, не находящіе себѣ покоя... отъ которыхъ уже не услышишь смѣлыхъ рѣчей Чацкаго... прямое выраженіе той эпохи, когда жизнь русская временно какъ бы замерла, остановилась и ничего не представляла и впереди, кромѣ туманной дали... Этихъ-то бѣдныхъ, одинокихъ странниковъ, этихъ-то бесплодно бродячихъ, хоть и небольшихъ но все-таки силъ, не забылъ поэтъ,—и да не забудетъ его самого благодарный потомокъ за эту хотя и печальную, но правдивую картину столь знакомой намъ русской хандры“ (стр. 66). **)

*) Русская Мысль, іюнь.

**) Недавно, въ VI гл. біографіи Пушкина, „скитальчество“ Алеко и Онѣгина призналъ и В. Я. Стоюнинъ, при чемъ указалъ на козны того же „скитальчества“ въ древней руси: представителемъ его является у г. Стоюнина и Гришка Отрепьевъ (Ист. Вѣст., Октяб. 263).

Къ тому же взгляду пришелъ и ополчившійся на Θ . М. Достоевскаго проф. Градовскій. Но дѣло въ томъ, что Достоевскій объясняетъ скитальчество пушкинскихъ лицъ ихъ беспочвенностью, ихъ гордою оторванностью отъ родной страны и роднаго народа, а профессоръ Градовскій (выразившійся только ярче автора «Очерковъ Пушкинской Руси»), тѣмъ, что больно много уже развелось у насъ разныхъ Коробочекъ, Сквозниковъ-Дмухановскихъ и Держимордъ. Самъ Достоевскій передаетъ этотъ взглядъ своего противника такимъ образомъ:

„Не могъ дескать не убѣжать къ цыганамъ, ибо ужъ слишкомъ гадокъ былъ Держиморда. А я утверждаю, отвѣчаетъ Достоевскій, (Дневникъ писателя, 1880 г.), что Алеко и Овѣгинъ были тоже въ своемъ родѣ Держиморды и даже въ иномъ отношеніи и похуже. *) „Я не обвиняю ихъ за это вовсе, оговаривается Достоевскій, вполне признавая трагичность судьбы ихъ, а вы ихъ хвалите за то, что они убѣжали: „дескать такіе великіе и интересные люди могли-ли ужиться съ такими уродами?“.... „Вовсе де они и не горды были“, вотъ, что вы даже утверждаете. Да тутъ гордость прямое, логическое и неминуемое послѣдствіе ихъ отвлеченности и оторванности отъ почвы... Алеко и Овѣгинъ къ Россіи были высокомерны и нетерпѣливы, какъ всѣ люди, живущіе отъ народа отдѣльной кучкой на всемъ на готовомъ, т. е. на мужичьемъ трудѣ и на европейскомъ просвѣщеніи, тоже имъ даромъ доставшемся.... Не Держимордой онъ (скиталець) погибъ, а тѣмъ, что не умѣлъ объяснить себѣ Держиморду и происхожденіе его“.

Относительно происхожденія Держиморды приведу слѣдующее замѣчаніе И. С. Аксакова **) о нашемъ дворянствѣ (а вѣдь оно же и «интеллигенція»):

Оно пользовалось правами, какихъ не имѣло ни одно сословіе въ мірѣ;— кромѣ губернатора, оно выбирало всѣ власти губернскія, судебныя и административныя, начиная отъ предсѣдателей судебныхъ палатъ и включая исправниковъ и становыхъ. Но какъ же оно пользовалось!! Кто же воспиталъ этихъ Держимордъ? Самъ помѣщикъ, бывшій всегда Держимордой для своихъ крестьянъ.

Да, интеллигенція, долго отстаивавшая крѣпостное право, въ то же время содѣйствовала разведенію у насъ Держимордъ, а потомъ сама же возненавидѣла ихъ, какъ возненавидѣла наконецъ и крѣпостное право. Но ненависть эта, по выраженію Достоевскаго, сказывалась у нея «по своему, по европейски»....

„То-то вотъ и есть, продолжаетъ онъ, что ненавидѣли они крѣпостное право не ради русскаго мужика, на нихъ работавшаго, ихъ питавшаго, а, стало-быть, ими же въ числѣ другихъ и угнетеннаго.... То-то вотъ и есть, что въ мѣстечкѣ Парижѣ-съ все-таки надобны деньги, хотя бы и на баррикадахъ участвуя, такъ вотъ крѣпостные-то и присылали оброкъ. Дѣлали и еще проще: закладывали, продавали или обмѣнивали (не все-ли равно?) крестьянъ.... и убѣжали въ Парижъ способствовать изданію французскихъ радикальныхъ газетъ и журналовъ для спасенія уже всего человѣчества, не только русскаго мужика. Вы

*) Алеко несомнѣнно и доказалъ это своимъ самоуправствомъ въ цыганскомъ таборѣ.

**) Въ частномъ письмѣ ко мнѣ по поводу рѣчи Достоевскаго и возраженій на нее.

увѣряете, опять обращается Достоевскій къ проф. Градовскому, что ихъ всѣхъ заѣдала скорбь о крѣпостномъ мужикѣ. Не то, чтобъ о крѣпостномъ мужикѣ, а вообще отвлеченная скорбь о рабствѣ въ человѣчествѣ; „не надо-де ему быть, это непросвѣщенно, Liberté, дескать, Egalité et Fraternité“.... А вѣдь съ отвлеченно—мировымъ характеромъ скорби весьма и весьма можно ужиться, питаюсь духовно созерцаніемъ своей нравственной красоты и полета своей гражданской мысли, ну, а тѣлесно все-таки питаюсь оброкомъ съ тѣхъ же крестьянъ, да еще какъ питаюсь-то!» (Дневникъ писателя. 1880 г., стр. 26—29).

Но и переставъ питаться, или даже никогда не питавшись оброкомъ или выкупными, наша интеллигенція (не изъ помѣщиковъ) съумѣла сохранить духовно, такъ сказать, держимордскія отношенія къ народу. Вотъ что рассказываетъ Достоевскій (а въ правдѣ его словъ, конечно, не усомнится никто—даже самъ А. Д. Градовскій).

«Этого народъ не позволяетъ», сказала по одному поводу, года два назадъ, одинъ собесѣдникъ одному ярому западнику. «Такъ уничтожить народъ!» — отвѣтилъ западникъ спокойно и величаво. И былъ не кто-нибудь, а одинъ изъ представителей нашей интеллигенціи». Анекдотъ этотъ вѣренъ. (Дневникъ писателя, стр. 4).

Это-ли не Держиморда? Конечно, не заурядный, а возведенный, такъ сказать, въ перлъ созданія.

Но пора предоставить слово А. Д. Градовскому. Изъ всѣхъ возраженій на рѣчь Достоевскаго онъ представилъ, конечно, самыя солидныя (а кто не пускался возражать—даже составитель сборника «Вѣнокъ на памятникъ Пушкина». И вотъ не всѣ изъ его возраженій были заранѣе предусмотрѣны Достоевскимъ, сказавшимъ въ концѣ своей рѣчи: «все это покажется самонадѣяннымъ». «Бѣгства отъ Держиморды», Достоевскій не предусмотрѣлъ. Но вѣдь не даромъ А. Д. Градовскій — профессоръ. Въ самомъ дѣлѣ, «восторженнымъ, преувеличеннымъ и фантастическимъ словамъ Достоевскаго, какъ самъ онъ ихъ называетъ (предвосхищая эти слова у своихъ противниковъ), слѣдовало противопоставить такую статью, какъ «Мечты и дѣйствительность».

Профессоръ Градовскій захотѣлъ удержать насъ отъ увлеченія какою-то «народною правдой», которой, по мнѣнію Достоевскаго, не признаютъ Алеки съ Онѣгиными и передъ которою онъ имъ предписываетъ смириться.

„Значительная часть скитальцевъ, счель впрочемъ нужнымъ признать профессоръ, не отрицала, что въ глубинѣ русскаго духа таятся нѣчто величавое въ нравственномъ смыслѣ. Но позволительно сказать, что это „прекрасное“ было прикрыто толстымъ слоемъ грязи и что народная „правда“ какъ-то странно выражалась въ „кривосудіи“ отжившихъ учреждений“.

Точно будто бы самъ народъ не противопоставлялъ этой жизненной «кривды»—и слово-то чисто народное — той «правдѣ», которая жила и живетъ въ его духовныхъ запросахъ и требованіяхъ! Если же онъ все-таки уживался съ этою кривдою, то вѣдь и мы, интеллигенція, уживались и даже преспокойно получали, состоя подъ ея «режимомъ», свои

служебные оклады. Но вскорѣ А. Д. Градовскій пошелъ далѣе (въ фельетонѣ своемъ о «тревожномъ вопросѣ» въ томъ же «Голосѣ»), замѣчая:

„Возрожденіе, говорятъ намъ, возможно чрезъ общеніе съ народомъ, чрезъ провикновеніе его духомъ и его правдою. Это было бы прекрасно, если бь дѣйствительно въ глубинѣ народнаго духа было заключено нѣчто опредѣленное, неизблемое, вѣчное и ясно проявленное въ какомъ-нибудь откровеніи“.

Знакомая, давно знакомая фраза, еще имѣющая свой смыслъ, когда думаютъ ею поразить тѣхъ, въ чьихъ устахъ и «народный духъ» является такою же *фразою*. Но дѣло въ томъ, что у Достоевскаго «народный духъ», «народная правда», «смирненіе передъ народною правдою»—совсѣмъ ужъ не фраза. Профессоръ прежде всего позабылъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и это вынудило у Достоевскаго слѣдующія автобіографическія напоминанія:

„Да, народъ нашъ грубъ,—говоритъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*,— хотя и далеко не весь. О, не весь, въ этомъ я клянусь уже какъ свидѣтель, потому что я видѣлъ народъ нашъ и знаю его, жилъ съ нимъ довольно лѣтъ, *нѣ съ нимъ, спалъ съ нимъ и самъ къ „злодѣямъ причтенъ былъ“, работалъ съ нимъ настояшей мозольной работою* *), въ то время, когда другіе, „умывавшіе руки въ крови“, либеральничая и подхихкивая надъ народомъ, рѣшали на лекціяхъ и въ отдѣленіи журнальныхъ фельетоновъ, что народъ нашъ „образа звѣринаго и печати его“. Не говорите же мнѣ, что я не знаю народа. (*Дневникъ* писателя, 1880 г. стр. 22—23).

Да, профессоръ забылъ, что онъ имѣетъ дѣло съ героемъ-авторомъ *Мертвоста Дома*, давшимъ намъ заглянуть такъ глубоко и въ душу этихъ, засаженныхъ въ немъ «несчастныхъ», и въ душу того народа, который сумѣлъ ихъ назвать «несчастными». Вотъ тотъ университетъ, въ которомъ изучилъ Достоевскій «народную правду», изучилъ въ тѣхъ слѣдахъ, которые оставлены ею въ самыхъ уклоненіяхъ отъ нея, не только изучилъ умомъ, но и воспринялъ сердцемъ, выйдя изъ этой школы не озлобившимся, тогда какъ другіе выходятъ остервенившимися противъ самого народа—не болѣе, какъ изъ подъ бурсацкой розги. Побывавъ въ этой школѣ, Достоевскій не могъ создать образа того интеллигентнаго ссыльнаго, котораго заставилъ Некрасовъ обучать неинтеллигентныхъ ссыльныхъ уваженію къ таинству смерти (въ поэмѣ *Несчастные*,—народной, впрочемъ, не только по заглавію, но и по многимъ строфамъ, полнымъ того истиннаго паѳоса, который признается у Некрасова и Достоевскимъ **). Сцена смерти, списанная, конечно, съ натуры, есть и въ *Мертвостѣ Домѣ*, и она производитъ умиленное дѣйствіе безъ всякаго смягчающаго вліянія образованнаго острожника, какимъ въ самомъ

*) Подчеркнуто мною. О. М.

**) Вотъ одна изъ такихъ строфъ:

Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Дохнуть пошире, повольнѣй,
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней!

дѣлѣ и былъ и могъ бы выставить самого себя Достоевскій. Но въ томъ-то и дѣло, что и въ *Мертвомъ Домѣ* не сказалась въ немъ, какъ, по его же выраженію, во многихъ интеллигентныхъ русскихъ, «гадливость», не только къ обыкновенному мужику, но и къ мужику-преступнику. Потому - то и относится онъ съ презрѣніемъ къ тѣмъ «презрительнымъ анекдотамъ», которые, по его замѣчанію, ходятъ между нашею интеллигенціею (сердобольно называемою у А. Д. Градовскаго «бѣдною») «о русскомъ мужикѣ, объ его рабской душѣ, объ его идолопоклонствѣ»....

Но вѣдь увлекаться «народною правдою» тѣмъ опаснѣе, что есть чудачки, противопологающіе ее — о ужасъ! европейскому просвѣщенію, а «уйти отъ этого просвѣщенія, — по словамъ проф. Градовскаго, — намъ некуда, да и не зачѣмъ».... «Предусматривая даже сильное развитіе русской науки, русскаго искусства, — посягаетъ онъ, — мы должны будемъ признать, что все эти вещи выростутъ на почвѣ западно-европейскаго просвѣщенія, подобно тому, какъ послѣднее выросло на почвѣ греко-римской культуры». На это Достоевскій въ своемъ «Дневникѣ» отвѣтилъ вопросомъ, что разумѣть подъ просвѣщеніемъ? «Науки запада, полезныя знанія, ремесла, или просвѣщеніе духовное? Первое, т. е. науки и ремесла, дѣйствительно, не должны насъ миновать и уходить намъ отъ нихъ дѣйствительно некуда, да и не зачѣмъ» *). Но и тутъ, мнѣ кажется, пужна оговорка. Собственно въ области такъ-называемыхъ точныхъ или положительныхъ знаній возможна непосредственная пересадка изъ страны въ страну. Если и тутъ порою сказывается та или другая *бытовая* подкладка, то это лишь рѣдкое исключеніе. Но такая подкладка сказывается и часто, и сильно въ области знаній—потому, между прочимъ, и не называющихся точными или положительными, но наиболѣе возбуждающихъ интересъ—по своему общественному значенію. Полезно-ли и тутъ *пересаживаніе цыликомъ*? Вполнѣ-ли благо, что «западно-европейское просвѣщеніе не только выросло на почвѣ греко-римской культуры, но во многомъ вполнѣ сохранило ея отпечатокъ?» Благо-ли въ частности то, что римское право не только пережило римское государство, но и пустило глубокіе и долговѣчные корни по всей Европѣ? Все-ли благо и въ возрожденіи классической древности (*renaissance*), не оставшемся только *моментамъ*, (смыслъ котораго заключался въ *секуляризаціи* знанія), а обратившемъ классицизмъ въ постоянную, такъ сказать, стихію духовной жизни Европы? Не является-ли вся эта закваска греко-римская, никогда не исчезающая въ Европѣ и еще усилившаяся съ «возрожденіемъ древности», только исполинскимъ фактомъ такъ-называемаго *переживанія* (*survival*)?

Но все это уже переводитъ насъ въ область «просвѣщенія духовнаго». Христіанскій источникъ его былъ несомнѣнно отравленъ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ Европы, именно этимъ чудовищнымъ фактомъ

*) Дневникъ писателя, стр. 21.

переживанія. Не только жизнь, но и міросозерцаніе христіанскихъ народовъ остались, по крайней мѣрѣ на половину, языческими. Когда даже Руссо говорилъ: «для того, чтобы свободный былъ вполнѣ свободенъ, рабъ долженъ быть вполнѣ рабомъ», онъ, конечно, былъ, не смотря на свое казовое отреченіе отъ всякой культуры, исповѣдникомъ греко-римскихъ культурныхъ началъ. Но благо-ли это?

Профессоръ Градовскій, вѣроятно, полагаетъ, что благо, если говорить: «каждая народность въ свое время проходила чрезъ школу всечеловѣческаго, какъ прошли ее народы Европы въ эпоху среднихъ вѣговъ и возрожденія». И такъ, не только *renaissance*, но и средніе вѣка составляли «школу *всечеловѣческаго*». Стало быть, и *феодализмъ* составляетъ неминуемыя врата для вступленія въ царство настоящей цивилизаціи? Чадаевъ считалъ такими вратами *католицизмъ*; къ нему можетъ отнынѣ присоединиться и *феодализмъ*.

Мы видѣли выше, что П. В. Анненковъ готовъ считать самого Пушкина вздыхавшимъ по феодализмѣ. Оно, можетъ быть, и не совсѣмъ такъ, но это не отнимаетъ у феодализма его міровой культурности. Намъ, бѣднымъ, въ нашей жалкой исторіи не достался ни онъ, ни католицизмъ; за то насъ съ избыткомъ вознаградили за отсутствіе у насъ *renaissance* *).

Отличая отъ «полезныхъ знаній, ремеслъ» и т. п. «просвѣщеніе духовное», Достоевскій замѣчаетъ проф. Градовскому, что «такое просвѣщеніе намъ нечего черпать изъ западно-европейскихъ источниковъ за полнѣйшимъ присутствіемъ (а не отсутствіемъ) источниковъ русскихъ». Эти источники, какъ не трудно понять, заключаются въ *христіанствѣ*. Достоевскій не касается при этомъ вопроса, досталось-ли оно и намъ-то во всей своей чистотѣ, перейдя къ намъ изъ Византіи, этого позднѣйшаго отпрыска того же греко-римскаго міра съ его неподатливою языческою основою. Благодаря славянскимъ первоучителямъ, мы однако же получили непосредственный доступъ къ самому евангелію, читавшемуся передъ народомъ на доступномъ для него языкѣ. О томъ, что, при всѣхъ остаткахъ обрядоваго язычества, многое изъ нравственнаго ученія христіанства прямо и глубоко запало намъ въ душу, свидѣтельствуется рядъ

*) Сказавъ это, я коснулся вопроса, о которомъ слѣдуетъ когда-нибудь поговорить отдѣльно. Замѣчательно, что заданный намъ въ послѣднее время сильный пріемъ классицизма не пришелся по вкусу очень многимъ западникамъ, тогда какъ противъ него, сколько извѣстно, неособенно высказывались славянофилы. А можно бы ожидать, что оно выйдетъ наоборотъ. Тутъ спутались самыя различные мотивы и все это должно быть распутано. Ограничусь пока замѣчаніемъ, что въ одной изъ рѣчей на Пушкинскомъ праздникѣ было сказано: „русскій народъ долженъ имѣть свою національную школу.... только подъ условіемъ національности наша родная школа будетъ въ состояніи занять такое же мѣсто между европейскими школами, какое Пушкинъ далъ русской поэзіи среди поэзіи другихъ народовъ“. (Рѣчь Н. П. Некрасова; см. „Вѣнокъ на пам. Пушкина“, стр. 215).

фактовъ, начиная отъ завѣщанія Мономаха: «ни праваго, ни виновнаго не убейте, не повелѣвайте убить» и вплоть до отношенія простаго русскаго человѣка къ преступнику, какъ къ *несчастному*. И оставленный, наконецъ, (по стеченію многихъ невыгодныхъ обстоятельствъ) безъ проповѣди, народъ, по замѣчанію Достоевскаго, не переставалъ никогда слышать въ церкви молитву: «Господи, Владыко живота моего», въ этой же молитвѣ «вся суть христіанства, весь его катехизисъ, а народъ знаетъ эту молитву наизусть». (Это та самая молитва, которую подъ конецъ жизни переложилъ въ стихи Пушкинъ *).

„Главная же школа христіанства, которую прошелъ онъ, говоритъ Достоевскій, это вѣка безчисленныхъ и безконечныхъ страданій, имъ вынесенныхъ въ свою исторію, когда онъ... оставался лишь съ однимъ Христомъ утѣшителемъ, котораго и принялъ тогда въ свою душу на вѣки и который за то спасъ отъ отчаянія его душу!“ (Дневникъ Писателя, стр. 21—22, 25).

Тоже порою говорилъ и Некрасовъ, напримѣръ, въ поэмѣ *Тилина*, коснувшись значенія для народа сельскаго храма, а подъ конецъ упоминая и о себѣ, о своихъ колѣнопреклоненныхъ возгласахъ къ «Богу скорбящихъ». Достоевскій же говоритъ о себѣ, «причтенномъ къ злодѣямъ», т. е. къ «несчастливымъ» *Мертваго Дома*, что «отъ народа онъ принялъ вновь въ свою душу Христа, котораго узналъ въ родительскомъ домѣ еще ребенкомъ и котораго утратилъ было, когда преобразился, въ свою очередь, въ «европейскаго либерала». Онъ приглашаетъ всѣхъ нашихъ «скитальцевъ» къ тому же:

„Смирись, говоритъ онъ, гордый человѣкъ... Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ, найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собою и узрешь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя, не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою“.

„Въ этихъ словахъ, справедливо замѣчаетъ проф. Градовскій, Достоевскій высказалъ „святая святыхъ“ своихъ убѣжденій“... „Въ этихъ словахъ, продолжаетъ онъ, заключенъ великій *религіозный* идеалъ, мощная проповѣдь *личной* нравственности, но нѣтъ и намека на идеалы *общественные*“.

Но тутъ у почтеннаго профессора начинается странное смѣшеніе понятій, окончательно сказывающееся въ словахъ:

„Общественное совершенство людей зависитъ отъ совершенства *общественныхъ учреждений*, воспитывающихъ въ человѣкѣ если не христіанскія, то гражданскія доблести“.

Дѣло въ томъ, что общественная нравственность есть только итогъ, получаемый отъ нравственности отдѣльныхъ членовъ общества. Учрежденія же сами по себѣ еще не создаютъ ни христіанскаго, ни гражданскаго совершенства (христіанское непременно оказывается и гражданскимъ). Хорошія учрежденія предоставляютъ бѣльшій просторъ для дѣятельности нравственныхъ силъ, и въ этомъ отношеніи, конечно, хорошія учрежденія дѣйствуютъ воспитательно. Съ другой стороны, назначеніе учрежде-

*) „Отцы пустынники и жены непорочны“,

ній—по возможности устранять вредъ, происходящій отъ неизбежной безнравственности извѣстныхъ членовъ общества искусственнымъ сдерживаніемъ ихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. *) Такое сдерживаніе никогда не можетъ быть окончательнымъ, и при самомъ лучшемъ механизмѣ общественномъ всегда можно умудриться приносить даже настоящія человѣческія жертвы идолу своихъ чувственныхъ вождельній. Ни одна изъ республикъ въ мірѣ не умудрилась еще прогнать того величайшаго деспота, власть котораго основывается на томъ, что въ рукахъ у него *золотой ключъ*. Ровня Достоевскому по глубинѣ и силѣ таланта, гр. Л. Н. Толстой, перенесъ насъ однажды въ республиканскую Швейцарію, чтобы показать, какъ и тамъ преклоняють голову передъ лордомъ, не считающимъ ниже своего достоинства даромъ прослушать бѣдняка-пѣвца, и поднимають носъ передъ русскимъ путешественникомъ, который уронилъ себя тѣмъ, что угостилъ этого бѣдняка на глазахъ у этихъ благородныхъ лордовъ. Въ учрежденіяхъ—свобода и равенство; въ нравахъ—все то же холопство и поклоненіе золотому тельцу! Но вернемся и на этотъ разъ къ «учителю Пушкину». Не онъ-ли сказалъ про своего Алеко,—что

...не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ приученъ.

Вспомнимъ также, что Некрасову въ одинъ изъ его приѣздовъ въ деревню слышался всюду голосъ:

Зачѣмъ ты здѣсь, *изнѣженный твояцъ?*

Дѣло въ томъ, что пѣвецъ этотъ при своей изнѣженности воспѣвалъ нужду и страданія деревни! Глубокій трагизмъ въ его жизни составляло то, что онъ постоянно сознавалъ это внутреннее противорѣчіе. Но мы, его почитатели, по большей части, не сознаемъ этого. Всѣ мы съ дѣтства направлены «къ нѣгѣ»; направлены къ ней, даже еще не имѣя возможности съ нею знаться, приучены о ней думать и день, и ночь,—постоянно видѣть передъ собою, хотя бы въ будущемъ, именно ее—или, въ переводѣ на болѣе грубый языкъ современнаго намъ сатирика,—«кусокъ», все тотъ же лакомый, завѣтный кусокъ! Намъ всѣмъ одинаково невразумительно слово, что «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ»; потому-то намъ и не войти въ настоящее царство свободы. Всѣ наши проповѣди либе-

*) Мы полагаемъ, что учрежденія въ государствѣ имѣють въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія народа не одно лишь отрицательное значеніе, въ смыслѣ только доставленія простора его нравственнымъ силамъ и устраненія вреда, происходящаго отъ неизбежной безнравственности извѣстныхъ его членовъ. Государственныя учрежденія обладаютъ и положительною, воспитательною силою. Возбуждая самодѣятельность въ человѣкѣ и направляя ее къ нравственнымъ цѣлямъ, они воспитываютъ въ немъ нравственное сознаніе и укрѣпляютъ его нравственныя убѣжденія. Кому неизвѣстна нравственно-созидающая сила свободныхъ учреждений и развращающее въ корень народную жизнь значеніе деспотизма.

ральныхъ учрежденій подрываются въ самомъ корнѣ матеріализаціею нашихъ понятій и нравовъ. Это ничего не значитъ, что мы, и совершенно, быть можетъ, искренно, ищемъ «куска» не только себѣ, но и всѣмъ; такъ какъ всѣ наши вождельнія направлены на «кусокъ», а подавлять свои вождельнія значитъ насиловать свою природу, то рано или поздно тотъ изъ насъ и отхватитъ себѣ наибольшую часть «куска», на чьей сторонѣ окажется сила. «Сила—право»—вотъ та сжатая и полная формула матеріализма, которая съ настоящею послѣдовательностію проведена Гобсомъ. И этотъ старый примѣръ до сихъ поръ не вразумилъ насъ, что вполне послѣдовательный матеріализмъ можетъ вести только къ крайнему деспотизму. Но люди съ глубокимъ умомъ и талантомъ, какъ Некрасовъ и Достоевскій, понимаютъ въ чемъ дѣло. Некрасовъ выражалъ это пониманіе высокимъ пафосомъ своихъ самобичеваній и порою касался не только народной нужды и страданій, но и «народной правды»,—на сколько это ему позволяли. Достоевскій въ послѣднемъ своемъ *Дневникѣ*, привыкнувъ ни у кого не спрашиваться и никого не бояться, открыто заявилъ, что проводить свои задушевные взгляды, т. е. дѣйствовать всѣми силами пера своего противъ матеріализаціи понятій и нравовъ, онъ не перестанетъ до гробовой доски. И онъ избралъ благую часть,—пошли ему Богъ долгіи вѣкъ! Но я имѣю основаніе думать, что и А. Д. Градовскій хорошо понимаетъ это. Въ его возраженіяхъ Достоевскому невольно чувствуется какая-то нотка «оппортионизма». Ему почему то кажется, что въ настоящее время надо именно *такъ* возражать. Но онъ глубоко ошибается.

«Работать надъ собой и смирять свои страсти, говоритъ онъ, можно и въ пустынѣ, и на необитаемомъ островѣ». Въ томъ-то и дѣло, что мы отсылаемъ аскетизмъ въ пустыни и на необитаемые острова, воображая, что онъ возможенъ только въ своей вполне эгонстической византійской или же буддійской формѣ. Профессоръ Градовскій не безъ прониі замѣчаетъ, что «Алеко-христіанинъ ушелъ бы въ монастырь и обратился бы въ старца Зосиму». Но старецъ Зосима у Достоевскаго и въ монастырѣ не порываетъ связей съ міромъ, любовно относясь къ его болѣзнямъ и нуждамъ. Такъ не порывали связей своихъ съ міромъ и наши древніе иноки-лѣтописцы, типъ которыхъ воспроизведенъ Пушкинымъ въ лицѣ Пимена. Это, можетъ быть, наша русская *поправка* къ византійскому аскетизму. Не перерождаясь, какъ въ Византіи, въ праздную гимнастику воли ради *личной* выслуги передъ Богомъ, аскетизмъ и можетъ, и долженъ быть вѣчной стихіею въ человѣчествѣ, тою стихіею, безъ которой невозможно самоотверженное служеніе обществу,—а настоящее служеніе ему именно и есть служеніе *до самоотверженія*. *) Оно-то и составляетъ сущность

*) Правда, служеніе обществу съ самоотверженіемъ немыслимо безъ извѣстнаго рода внутренняго аскетизма, но только не такого, который бѣжитъ въ пустыню и изъ своей пустынной дали только относится съ любовью къ болѣзнямъ и нуждамъ міра, а такого аскетизма, которому прототипомъ можетъ

идеала общественнаго, который нигдѣ и никогда не создавался *одними* учреждениями. Напротивъ, только съ этимъ *идеаломъ* въ груди можно дѣйствительно вызвать къ жизни и неизбежно утвердить и самыя *учрежденія*.

Они не возникнутъ отъ однихъ разговоровъ объ нихъ—въ статьяхъ или на первыхъ попавшихся посидѣлкахъ. А мы какъ будто приписываемъ такимъ разговорамъ *заклинательное* значеніе, безсознательно заимствуясь на этотъ разъ у нами же презираемаго *темнаго* люда именно тѣмъ, что является у него самымъ вопіющимъ фактомъ переживанія. Да, мы какъ будто возвращаемся на почву *заговора*, повторяя, и кстати и не кстати, все одни и тѣ же *слова* о томъ, чего хочется и что требуется. Такъ и на Пушкинскомъ праздникѣ мы заявляли свою платоническую любовь къ тому, чего не достаетъ намъ, какъ не доставало въ свое время ему. При этомъ договорились мы до того, что ему было будто бы ни мало даже не трудно, чѣмъ намъ теперь. Но подобное пользованіе гиперболою вредно потому, что умалываетъ въ нашихъ глазахъ заслуги Пушкина. А намъ особенно нуженъ примѣръ—именно *примѣръ* не только *поэта*, но и *человѣка*. Пушкинъ на самомъ дѣлѣ находился въ положеніи еще болѣе трудномъ, чѣмъ наше; эта трудность его положенія, надо признаться, вѣрно выставлена въ «Очеркахъ Пушкинской Руси» (въ чемъ и заключается здоровая сторона этой, какъ видѣли мы, во многомъ фальшиво составленной книжки). На то же налегалъ въ своей рѣчи проф. Качубинскій (произнесена въ Одессѣ), тѣмъ болѣе превознося постоянно бодрый тонъ поэзіи Пушкина. Сперва испытавъ гоненіе, потомъ не менѣе обременительное полупокровительство, Пушкинъ оставался однако же на столько стойкимъ, что имѣлъ несомнѣнное право сказать:

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И идоламъ молвы народной
Кадиломъ лести не кадилъ....

А можемъ-ли мы по совѣсти сказать это про себя? Положеніе наше на самомъ дѣлѣ лучше, чѣмъ положеніе Пушкина, но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы оно было вполнѣ хорошо и мы не были правы, рассчитывая на большее. М. И. Сухомлиновъ въ своей рѣчи самымъ разумнымъ образомъ выразилъ это, опираясь на самого же Пушкина, на его знаменитый стихъ:

На поприщѣ ума нельзя намъ отставать!

Но мы полагались только на *слова*, а не на *поведеніе*. Мы, прежде всего,

служить ангелъ не съ молитвенными только слезами на очахъ, но и съ пламеннымъ мечемъ въ рукахъ на всякую неправду, ангелъ, весь пламенѣющей огнемъ несокрушимой энергіи безустанной не только духовной, но и практической дѣятельности во благо челоѣчеству.

Ред.

не умѣли молчать, когда отъ насъ ждали и хотѣли, чтобъ мы подали голосъ, но все-таки не позволяли намъ высказаться вполне. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы хотя не много переговаривали черезъ край, мы обыкновенно искупали свою мимолетную рѣзвость протяжною нотой «тише воды ниже травы», порою переходя изъ нея даже въ тонъ преусерднаго диэирамба. Мы постоянно доставляли тѣмъ, у кого бы должны были вынуждать уваженіе къ себѣ, потѣшное зрѣлище нашихъ междуусобиць «изъ-за выѣденнаго яйца», какъ мѣтко выразился современный сатирикъ. Мы не дорожили даже тѣми проявленіями единодушія, которыя порою бывають у насъ какъ бы совершенно неожиданно-негаданно, и поскорѣе спѣшили не только отречься отъ нихъ, но и закидать ихъ грязью. Такъ оно начинается уже выходить и съ Пушкинскимъ праздникомъ. *)

Но вернемся же не къ *словамъ*, а къ *поступку* на немъ Достоевскаго: то, чего я еще не коснулся, именно составляло поступокъ (по выраженію И. С. Аксакова), оказавшійся цѣлымъ *событіемъ*. Это та смѣлость, съ какою Достоевскій сказалъ:

«укажите хоть на одного изъ великихъ гениевъ, который бы обладалъ такою способностію всемірной отзывчивости, какъ нашъ Пушкинъ... Даже у Шекспира его итальянцы, напримѣръ, почти сплошь тѣ же англичане. Пушкинъ лишь одинъ изъ всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполне въ чужую національность».

Еще смѣлѣе объяснилъ онъ это свойство нашего великаго поэта тѣмъ же, чѣмъ, по его мнѣнію, объясняется и возможность успѣха у насъ Петровской «революціи» (какъ называлъ ее Пушкинъ).

„Русскій народъ, сказалъ Достоевскій, не изъ одного только утилитаризма принялъ реформу... Вѣдь мы разомъ устремились тогда къ самому жизненному воссоединенію, къ единенію всечеловѣческому! Мы не враждебно (какъ казалось должно бы было случиться), а дружественно, съ полною любовью приняли въ душу нашу гениі чужихъ націй, всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая преимущественныхъ племенныхъ различій“.

Но вѣдь на то же дѣлали въ сущности указанія и другіе.

„Нашъ великій поэтъ, сказалъ Н. П. Некрасовъ, представляетъ собою лучшее доказательство того, что русская національность не можетъ отличаться исключительностію или нетерпимостію къ другимъ народамъ“...

„Въ этой безграничной отзывчивости на все сущее,—напечатано было въ *Недѣль*,—въ этой ассимиляціи духа всѣхъ вѣковъ и народовъ выражается

*) Къ области нашего непохвальнаго поведенія принадлежитъ и то, какъ недавно было встрѣчено у насъ извѣстіе, что оказывается наконецъ возможнымъ снова издавать газету лицу, котораго всѣ прежнія предпріятія этого рода приводили къ болѣе или менѣе скорому запрещенію. Послѣ всѣхъ своихъ жалкихъ словъ о свободѣ мысли, одна газета привѣтствовала это извѣстіе неприличнымъ намекомъ на ту постороннюю литературѣ дѣятельность возвращающагося къ своему поприщу публициста, къ которой его привело систематическое преслѣдованіе его изданій.

ширина симпатій и возрѣній, отличающая славянскую, преимущественно русскую натуру“.

Да, но Достоевскій еще прибавилъ къ этому:

„назначеніе русскаго человѣка есть безспорно все европейское и всемірное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполне русскимъ, можетъ быть, и значить только (въ концѣ концовъ это подчеркните) стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловкомъ*, если хотите“.

И это исповѣданіе въ русскомъ — *всечеловка* было высказано съ такой глубиной убѣжденія, что неувлеченнымъ остался лишь тотъ, кто, какъ бы заранѣе ожидая чего-то, совсѣмъ не пошелъ на чтеніе Достоевскаго. «Если бъ вы видѣли, писалъ мнѣ одинъ изъ ближайшихъ участниковъ праздника, что такое было, и не со стороны одной молодежи, а со стороны старыхъ столповъ такъ-называемаго западничества, не исключая Тургенева и Анненкова». По свидѣтельству Н. Н. Страхова, послѣдній сказалъ ему послѣ рѣчи Достоевскаго: «вотъ что значитъ геніальная художественная характеристика! Она разомъ порѣшила дѣло» *).

„Рядомъ съ славянофилами, говоритъ самъ Достоевскій, обнимавшими меня и жавшими мнѣ руку, тутъ же на эстрадѣ, едва лишь я сошелъ съ каеэды, подошли ко мнѣ позать руку и западники, и не какіе-нибудь изъ нихъ, а передовые представители западничества, занимающіе въ немъ первую роль, особенно теперь. Они жали мнѣ руку съ такимъ же горячимъ и искреннимъ увлеченіемъ, какъ славянофилы, и называли мою рѣчь геніальною, нѣсколько разъ напирая на слово это, произнесли, что она геніальна!» (Дневникъ писателя 1880 г., стр. 5—6).

Самъ Достоевскій скромно объясняетъ дѣло вовсе не тѣмъ, а «искренностію» и «нѣкоторою неотразимостію выставленныхъ имъ фактовъ». Но именно за эту-то ихъ «неотразимость», подчинившую себя моментально *всѣмъ*, и пришлось ему въ скоромъ времени поплатиться: *проступокъ* его обратился въ *проступокъ*, такъ что, по его же рѣзкому выраженію, «надо бы и полицію привести, чтобы сдерживать порывы публики». (Дневникъ, стр. 20). Но приводите впередъ какую угодно полицію, не только «моральную и либеральную», но хотя бы и *настоящую*, вооружитесь даже какими угодно свистками, трещотками или кошками, а «проступки» Достоевскаго еще повторятся: не разъ еще будетъ увлеченъ его рѣчью и младъ, и старъ, потому что онъ «всегда говоритъ, какъ власть имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи». **)

*) «Семейные вечера», 1880 г. іюль, стр. 270.

**) Въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ раздался совсѣмъ неожиданно единственный подходящий откликъ на рѣчь Достоевскаго, въ видѣ письма къ къ нему К. Д. Кавелина. „Можетъ быть, говоритъ авторъ, я увлекаюсь золотой мечтой, но мнѣ думается, что новое слово, котораго многіе ожидаютъ, будетъ заключаться въ новой правильной постановкѣ вопроса о нравственности въ наукѣ, воспитаніи и практической жизни, и что это живительное слово скажемъ именно мы... Съ этимъ же вопросомъ соединяются, въ самыхъ неопредѣленныхъ сочетаніяхъ и неясныхъ представленіяхъ о будущемъ значеніи русскаго

Между тѣмъ, взглядъ Достоевскаго на всемірную отзывчивость Пушкина совпадаетъ съ тѣмъ, что высказано въ прочтенномъ на Пушкинскомъ праздникѣ письмѣ къ И. С. Тургеневу Бертольда Ауербаха:

„Прекрасно и поучительно, пишетъ онъ, что изъ Россіи входитъ въ настоящее время въ міръ вѣсть о чествованіи генія и притомъ генія, бывшаго и остающагося далекимъ отъ новомодной, или, скорѣе, варварски старомодной исключительности, по которой въ царствѣ духа народы не должны болѣе творить и дѣйствовать въ соединяющемъ и примиряющемъ міръ взаимоотношеніи свободнаго даванія и свободнаго же полученія» (Торжество открытія памятника Пушкину Москва, 1880 г., въ типографіи Гатцука, стр. 36.)

Въ строкахъ этихъ сказывается, можетъ быть, намѣреніе противопоставить Пушкина такъ-называемой русской народной партіи, отличающейся, по заграничному мнѣнію, своей нетерпимостію и исключительностію. На самомъ же дѣлѣ приписываніе себѣ права «считать другія національности только за лимоны, который можно выжать», по выраженію Достоевскаго, по преимуществу развито въ школѣ Бисмарка, а если говорится и въ Россіи, то собственно у русскихъ бисмаркистовъ. Въ самомъ корнѣ отличный отъ нихъ (хотя рѣчь его по какому-то капризу и появилась въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*) Достоевскій, представитель настоящаго русскаго воззрѣнія, какъ бы прямо въ отвѣтъ на намекъ Ауербаха, указываетъ на то, что «быть русскимъ значитъ быть *всечеловѣкомъ*». Онъ долженъ былъ этимъ озадачить и нашихъ западниковъ, которые также привыкли ратовать противъ воображаемой ими національной исключительности народниковъ. Подъ первымъ живымъ впечатлѣніемъ западники, очевидно, были обрадованы и увлечены этимъ «*всечеловѣкомъ*», раздавшимся изъ устъ Достоевскаго; а потомъ изъ ихъ же лагеря вдругъ раздался вопросъ: «и къ чему въ самомъ дѣлѣ явился этотъ всечеловѣкъ? Да быть имъ даже не особенно лестно; лучше быть оригинальнымъ русскимъ человѣкомъ, чѣмъ этимъ безличнымъ всечеловѣкомъ» *). Т. е. теперь они сами же заговорили то, въ чемъ прежде винили славянофиловъ, видя въ ихъ запросѣ на оригинальность—какую то исключительность. Но Достоевскій, какъ глубокой психологъ, уже объяснилъ намъ, въ чемъ дѣло (въ недавно вышедшемъ *Дневникѣ*). Ему слышатся со стороны западниковъ слѣдующія соображенія:

„А, вы согласились-то наконецъ, послѣ долгихъ споровъ и препираній, что стремленіе наше въ Европу было законно и нормально. . . . что жъ, мы принимаемъ ваше признаніе радушно. . . . но. . . . тутъ видите ли является опять нѣ-

и славянскаго племени въ судьбахъ міра. Громадный успѣхъ Вашей рѣчи о Пушкинѣ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что вы въ ней касаетесь этой сильно звучащей струны, что въ вашей рѣчи нравственная красота и правда отождествлены съ русскою народною психеєю“ (стр. 440—41). Послѣ этихъ словъ можно и не спорить съ многоуважаемымъ авторомъ изъ-за частностей его письма.

*) Вѣстникъ Европы, іюль.

которая новая запятая... Дѣло въ томъ, что ваше-то положеніе... что мы, въ увлеченіяхъ нашихъ, совпадали будто бы съ народнымъ духомъ и таинственно направлялись имъ, ваше-то это положеніе все-таки остается для насъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ... Знайте, что мы направлялись Европой, наукой ея и реформой Петра, но отнюдь не духомъ народа нашего, ибо духа этого мы не встрѣчали и не обоняли на нашемъ пути... Въ народѣ русскомъ, такъ какъ ужъ пришло время высказаться вполне, мы по прежнему видимъ лишь косную массу... народъ нашъ нищъ и смердъ, какимъ онъ былъ всегда, и не можетъ имѣть ни лица, ни идеи. Вся исторія народа нашего есть абсурдъ, изъ котораго вы до сихъ поръ чертъ знаете что выводили, а смотрѣли только мы трезво». (Дневникъ писателя, стр. 6).

Такимъ образомъ, на повѣрку оказалось, что И. С. Аксаковъ увлекся, признавъ рѣчь Достоевскаго за *событіе*—въ томъ смыслѣ, будто она привела къ примиренію, окончательно давъ сознать и почувствовать, что «все это славянофильство и западничество есть только одно великое у насъ недоразумѣніе». Оно остается еще далеко не устраненнымъ; примиреніе только промелькнуло и скрылось. Памятникъ Пушкина собралъ насъ воедино лишь на минуту, и русскому Мефистофелю остается только весело потирать себѣ руки и приговаривать: *divide et impera*.

Но на Пушкинскомъ праздникѣ послѣдовалъ призывъ еще и къ другому *примиренію*. Указано было на другія *недоразумѣнія*. На самомъ же дѣлѣ тутъ уже были вовсе *не* недоразумѣнія, а потому и понятно, что сказанная хотя и съ большимъ тактомъ рѣчь М. Н. Каткова не вызвала однако же особеннаго сочувствія. Подъ перомъ нѣкоторыхъ этотъ фактъ превратился въ цѣлую враждебную ему демонстрацію, подобно тому, какъ съ другой стороны во многихъ изданіяхъ умышленно умалялся самый *фактъ* впечатлѣнія, произведеннаго Достоевскимъ (какъ будто недостаточно было, *признавъ фактъ*, обрушиться на него всею силою критики). Но оставивъ въ сторонѣ тенденціозную ложь про катковскую рѣчь, нельзя не признать, что она не достигла своей цѣли. Да оно и не могло быть иначе. Слишкомъ еще свѣжо у всѣхъ на памяти, какимъ образомъ отнесся редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* даже къ первымъ признакамъ сказавшагося наконецъ поворота на нѣсколько иной путь въ дѣлѣ расправы съ нашею смутю. Когда всѣ единодушно заговорили о подъемѣ общественныхъ силъ предоставленіемъ имъ подобающаго простора, кто, ссылаясь на примѣръ запада, кто, находя опору въ земскихъ стихіяхъ нашей собственной старины, однѣ *Московскія Вѣдомости* упорно продолжали рекомендовать только щедринское «подтянуть». Въмѣсто замаскировывающаго обращенія къ слову: «недоразумѣніе» нужно было прямое сознаніе въ своемъ заблужденіи. Самолюбіе не позволило этого г. Каткову, и Ѳ. М. Достоевскому слѣдовало бы шепнуть и ему, какъ Пушкинскому Алеко: смиришь, гордый человекъ! Въмѣсто этого, къ сожалѣнію, мы встрѣтили рѣчь Достоевскаго на столбцахъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Потомъ она, правда, была имъ выдѣлена въ *Дневникъ* (съ приложеніемъ предисловія и послѣловія), но тяжелое впечатлѣніе уже было

произведено, не смотря даже на поговорку, что «человѣкъ краситъ мѣсто». Не будучи психологомъ, какъ Достоевскій, я и не берусь разгадать этого страннаго для меня, какъ для многихъ, факта. Но именно *всечеловѣкъ* всего менѣе и подходитъ къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*. Онѣ напечатали рѣчь, но кто же бы отказался отъ рѣчи Достоевскаго?

„Впослѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, т. е., конечно, не мы, а будущіе, грядущіе русскіе люди, поймутъ уже всё до одинаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже *окончательно*, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, *всечеловѣчной* и *всесосдиляющей*, вмѣстѣ въ ней съ братскою любовью всёхъ нашихъ братьевъ, а, въ концѣ концовъ, можетъ быть и изречь окончательное слово великой, общей гармоніи, братскаго *окончательнаго* согласія всёхъ племенъ по Христову евангельскому закону“.

Вотъ къ чему, по выраженію проф. Градовскаго, «предназначаетъ Россію Достоевскій». Каковъ бы ни былъ этотъ языкъ (можно, если угодно, называть его даже «юродствующимъ»), но это, конечно, не языкъ *Московскихъ Вѣдомостей*. А у Достоевскаго съ этимъ вяжется и взглядъ его на скитальцевъ. Громко ихъ вина въ томъ, что они «не смиряются передъ народною правдою», онѣ однако же видятъ и на нихъ, хотя бы и въ искаженіи, отпечатокъ нашего народнаго духа въ томъ, что они стремятся къ *мировой* дѣятельности: «на меньшемъ они не мирятся». Такъ ли относились и относятся къ «нигилизму» *Московскія Вѣдомости*? Да и у профессора Градовскаго находятся для него собственно вотъ какія выраженія: «мы выпускаемъ теперь изъ своей среды такихъ «апостоловъ», которые дивятъ всю Европу именно *озлобленіемъ* своимъ, и даютъ странное понятіе о «всепримирающей» русской душѣ». Только Достоевскій относится къ нимъ человѣчно, видя въ нихъ по народному тѣхъ же «несчастливыхъ». Этотъ взглядъ, разумѣется, имъ не понравится, но дѣло не въ томъ, чтобы нравиться.

Вмѣсто того, чтобы проповѣдывать имъ смиреніе передъ народною правдою, правильнѣе было бы, по мнѣнію проф. Градовскаго, сказать современнымъ *скитальцамъ* и *народу* одинаково: «смиритесь передъ требованіями той общечеловѣческой гражданственности, къ которой вы, слава Богу, пріобщились, благодаря реформѣ Петра». Увы, что касается *современныхъ нашихъ скитальцевъ*, то они-то и не смирятся передъ этою «общечеловѣческою гражданственностью», на которой слишкомъ ясенъ еще отпечатокъ той «школы всечеловѣческаго», какую прошли народы Европы въ эпоху среднихъ вѣковъ. *Скитальцы* очень хорошо понимаютъ, что профессору Градовскому только такъ померещилось, будто «Европа давнымъ давно справилась съ несогласіями и противорѣчіями». *Наши скитальцы* скорѣе повторяютъ ему съ Достоевскимъ: «Это Европа-то справилась? да кто только могъ вамъ это сказать?» Конечно, на взглядъ *скитальцевъ*, вовсе не бѣда, что она, по выраженію автора *Мертваго Дома*—«муравейникъ, давно уже создавшійся безъ церкви и безъ Христа....

съ расшатаннымъ до основанія нравственнымъ началомъ»*)... Но *скитальцы* несомнѣнно повторяютъ съ Достоевскимъ, что, — какія бы ни были тамъ причины,

„Грядетъ четвертое сословіе, стучится и ломится въ дверь, и, если ему не отворятъ, сломаетъ дверь. Не хочетъ оно прежнихъ идеаловъ, отвергаетъ всякій доселѣ бывший законъ. На компромиссъ, на уступочки не пойдетъ, подпорочками не спасете зданія... Всѣ эти парламентаризмы, всѣ исповѣдуемыя теперь гражданскія теоріи, всѣ накопленныя богатства, банкы, науки, жидаы, все это рухнетъ въ одинъ мигъ и безслѣдно—кромѣ развѣ жидовъ, которые и тогда найдутся какъ поступить**)... Все это близко, при дверяхъ“.

Но вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, если и можно поспорить о томъ, до того ли ужъ это близко, то едва-ли возможно не признать вполнѣ вѣрнымъ общаго тона этой картины, которой вовсе «не радуется» самъ Достоевскій. Впрочемъ, и А. Д. Градовскій въ душѣ признаетъ, что она вѣрна. Онъ самъ ее рисовалъ когда-то,—можетъ быть, не настолько ярко.

*) Слово *жидаы* не должно оскорблять „скитальцевъ“ іудейскаго происхожденія: сами они называютъ себя „интеллигентными евреями“.

***) Мы не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ, что картина Европы начертанная Ф. М. Достоевскимъ, вѣрна по своему тону, и онъ имѣлъ основаніе утверждать, что „всѣ парламентаризмы, всѣ исповѣдуемыя гражданскія теоріи, богатства и науки (Европы) рухнутъ въ одинъ мигъ, безслѣдно.“ Не можемъ признать хоть сколько-нибудь справедливымъ и намъ сочувственнымъ утвержденіе почтеннаго и талантливаго писателя, что народы христіанскаго запада—„муравейникъ, давно создавшійся безъ церкви и Христа“. Оставимъ въ сторонѣ другіе доводы, обличающіе несостоятельность такихъ положеній и, становясь на ту почву вѣроисповѣданія, на которой утвердилъ свое міровоззрѣніе нашъ даровитый романистъ, спросимъ:

Какое основаніе и право имѣетъ христіанинъ, принадлежащій къ восточной христіанской соборной церкви провозглашать, что всѣ западные Европейскіе народы, принадлежащіе къ другимъ христіанскимъ церквямъ—„безъ Христа и безъ церкви“. Нашъ талантливый романистъ говоритъ, конечно, не о тѣхъ языческихъ временахъ, когда современные намъ западные народы только начали создаваться, а о тѣхъ, когда они *окончательно созданы* и утверждаетъ, что уже *созданы давно* они безъ Христа и церкви, и кому не извѣстно, что и бытъ этихъ народовъ и строй ихъ государственной жизни слагались и сложились подъ вліяніемъ западныхъ христіанскихъ церквей. Или эти церкви — пехристіанскія церкви? Какое-же можно имѣть основаніе и право говорить такъ? Какимъ церковнымъ соборнымъ постановленіемъ церкви, подъ вліяніемъ которыхъ создавались западные народы, объявлены безъ Христа, не христіанскими церквами, а народы Западно-Европейскаго христіанскаго человѣчества внѣ царства благодати христовой или хотя еретиками? Какое имѣетъ право православящій христіанинъ превосхищать судъ у Бога и пророчить всему западному христіанству „конечную и даже въ единый мигъ гибель, такую, что отъ всѣхъ его сокровищъ духовныхъ и матеріальныхъ не останется и слѣда?“

Былъ народъ, избранный самимъ Богомъ на то, чтобы стать краеугольнымъ камнемъ зиждительства промышленности Божія о человѣчествѣ, народъ, изъ среды котораго вышелъ Тотъ, Кто исполнилъ чаяніе народовъ, и не смотря на то, этотъ самый краеугольный камень, этотъ избранный народъ былъ отвергнутъ

Но профессор Градовскій полагаетъ, что ужъ во всякомъ случаѣ указывать русскому народу, вмѣстѣ съ Достоевскимъ, столь «высокій жребій» (употребляю выраженіе Пушкина) не подобало,—потому «не къ лицу».

„Странное дѣло! недоумѣваетъ онъ, человѣкъ, казнящій гордость въ лицѣ отдѣльныхъ скитальцевъ, призываетъ къ гордости цѣлый народъ, въ которомъ онъ видитъ какого-то всемірнаго апостола. Однимъ онъ говоритъ: „смирись!“ Другому говоритъ: „возвышайся!“

Но Достоевскій уже отвѣтилъ ему и на это недоумѣніе:

„Вообразите, г. Градовскій, что вы вашимъ роднымъ дѣтямъ говорите: „дѣти, возвышайте духъ вашъ, дѣти, будьте благородны!“ Неужели же это значить, что вы ихъ гордости учите?... Помилуйте, да одна уже надежда на то, что и мы, русскіе, можемъ хоть что-нибудь значить въ человѣчествѣ и хотя бы въ концѣ концовъ удостоимся братски послужить ему, вызвала слезы восторга въ тысячной массѣ слушателей“. (Дневникъ писателя, стр. 40—41).

Ну, а Христось, говоря: «будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный», возбуждалъ въ людяхъ тоже гордость, что ли?

Но о томъ, что значить возбуждать такъ-называемую «гордость» въ цѣломъ народѣ, прекрасно замѣчено было—съ точки зрѣнія вполне положительной во *Врачебныхъ Вѣдомостяхъ*:

„Национальная гордость, сознаніе, что мы тоже не хуже другихъ, что мы тоже способны на рѣшеніе міровыхъ задачъ, — есть великая реальная сила. Она вноситъ бодрость и энергію въ людскую дѣятельность, она гонитъ сонъ, апатію и уныніе. Пушкинъ былъ для насъ такою силою“. (Вѣнокъ на памятникъ Пушкина, стр. 120—121).

Да, онъ былъ для насъ ею, потому что у него были и «слезы для нашихъ печалей» и «пѣсни для нашихъ побѣдъ». Онъ былъ такою силою потому, что, какъ выразился онъ о Петрѣ: «не презиралъ родной страны, а зналъ ея предназначенье», потому наконецъ, что онъ заставилъ самого Наполеона «указать русскому народу высокій жребій».

Въ послѣднемъ случаѣ можно, конечно, видѣть у Пушкина патриотическое увлеченіе. Жребій нашъ на вѣнскомъ конгрессѣ не остался, разумѣется, высокимъ жребіемъ, и если, вмѣсто вѣчной свободы, завѣщанной міру «Наполеономъ», по словамъ Пушкина, въ мірѣ стали усиленно водворять то, что называется на извѣстномъ языкѣ «порядкомъ», то мы усердно приложили къ тому нашу руку, изъ роли «освободителей» перейдя въ роль прислужниковъ Меттерниха. Профессоръ Градовскій совершенно

зидителемъ царства благодати, отвергнуть за гордыню, за превозношеніе правотою своего вѣроповѣданія, окаменѣлъ въ обрядности и былъ разсѣянъ по лицу земли, и Свѣтъ благодатной истины озарилъ народы языческіе. А здѣсь идетъ рѣчь уже и не о языческихъ народахъ, а о народахъ христіанскихъ! И невѣстиво еще, кто удостоится первый войти въ царство Христа и воплотить въ своей жизни его истину, мы, получившіе эту истину безъ личной нашей заслуги, даромъ, ходомъ нашей исторіи, или народы запада. И хочется сказать: „Смирись, гордый, православящій Господа своими устами, христіанинъ, да не отнимется отъ тебя и то, что получилъ ты тунѣ“. *Ред.*

правъ, говоря, что наше «служеніе» Европѣ въ эпоху конгрессовъ не можетъ быть предметомъ нашей «гордости». Но и Достоевскій, касаясь въ своей рѣчи нашего политическаго «служенія Европѣ блѣе, можетъ быть, чѣмъ себѣ», вовсе не думалъ хвалить (поясняетъ онъ въ *Дневникѣ*) «то, какъ мы служили», а только хотѣлъ отмѣтить «фактъ нашего служенія ей—почти всегда безкорыстнаго», прибавляетъ онъ. Съ послѣднимъ, конечно, нельзя вполне согласиться: служба въ Европѣ такъ - называемому «легитимизму», мы, т. е. заправлявшіе тогда у насъ, считали этотъ принципъ въ высшей степени полезнымъ и для себя (разумѣется, ошибаясь). Но дѣло въ томъ, что Достоевскій и сквозь самую искаженность факта усматриваетъ и цѣнитъ основное начало — готовность принимать участіе въ міровыхъ дѣлахъ, точно такъ же, какъ цѣнитъ то же наше стремленіе (только въ обратномъ смыслѣ) къ міровой дѣятельности и въ лицѣ нашихъ «скитальцевъ», не смотря на меньшую, но въ другомъ только родѣ, искаженность ея и тутъ.

А все же, хотя рекомендованный намъ Меттернихомъ легитимизмъ и довелъ насъ, по выраженію проф. Градовскаго, до того, что мы «коснулись даже на единовѣрныхъ Грековъ», въ концѣ концовъ, по свидѣтельству Стоутона, Греки своею независимостью обязаны были «преимущественно службѣ, услугамъ и жертвамъ Россіи» (при Николаѣ Павловичѣ). Вѣдь объ этомъ напомнилъ, приводя Стоутона, тотъ же *Голосъ*, въ которомъ создалъ себѣ публицистическую кафедру проф. Градовскій. По тутъ какъ разъ будетъ кстати отмѣтить фактъ, приводимый П. И. Бартевымъ.

„Настанетъ время, говоритъ онъ, когда все, что сохранилось изъ записокъ Пушкина, будетъ обнародовано. Нѣкоторыя мѣста очень важны, наприм., то, гдѣ Пушкинъ рассказываетъ, какъ онъ встрѣтился въ Петербургѣ съ кишиневскимъ своимъ знакомцемъ, участникомъ Ипсилантиевскаго возстанія 1821 г. кн. Суцую, и какъ тотъ изумился, узнавъ отъ Пушкина, что императора Александра Павловича увѣрилъ, будто греческое возстаніе есть только вѣтвь зловреднаго карбонаризма, никто иной, какъ Пестель“... (Русскій Архивъ, 1880 года, кн. 2).

Не объясняется-ли это тѣмъ, что нѣкоторымъ изъ либераловъ того времени могла представляться вовсе нежелательною наша «освободительная» роль въ иностранной политикѣ. По крайней мѣрѣ такъ оно вышло въ недавнее время съ нашимъ движеніемъ въ пользу Славянъ; оно представилось вскорѣ весьма для насъ неприличнымъ именно многимъ изъ «либераловъ». И взглядъ ихъ въ этомъ отношеніи совершенно совпалъ со взглядомъ покойнаго III отдѣленія; оно также нашло, что все это намъ «не къ лицу» *). Не случайностью, надо думать, было и то, что дипло-

*) Замѣчанія на этотъ счетъ г. Суворина въ фельетонѣ 17 авг., по моему совершенно вѣрны. У пишущаго эти строки за вступительную лекцію въ курсъ сербскаго эпоса въ петербургскомъ университетѣ, въ которой онъ коснулся восточнаго вопроса, отнято было по распоряженію III отдѣленія право когда-

мату, поступившемуся на берлинскомъ конгрессѣ половиной того, что стяжали безпримѣрные подвиги русскаго народа въ пользу своихъ несчастныхъ братьевъ, предварительной школой служило тоже III отдѣленіе. Намъ не слѣдуетъ этого забывать, хотя Европа охотно это забыла, такъ что тотъ самый человѣкъ, на котораго при назначеніи его посломъ въ Лондонъ, поглядывала она очень свысока, именно по причинѣ прежняго мѣста его службы, сразу прослылъ самымъ умнымъ и просвѣщеннымъ государственнымъ мужемъ Россіи—потому, что поступился ея интересами, хотя и вполнѣ совпадавшими въ данномъ случаѣ съ интересами гуманности и свободы!

Но какъ бы ни относились къ тому «либералы» извѣстнаго пошиба, III-е отдѣленіе и Европа (та самая Европа, которая привыкла насъ корить Меттерниховщиной), стихійное, если угодно, вмѣшательство въ міровыя дѣла, не спрашиваясь ничего позволенія, громко, сказалось въ русскомъ народѣ—во *всемъ* народѣ. «Онъ жадно слушалъ, жадно разспрашивалъ и самъ читалъ о войнѣ (войнѣ не за «легитимизмъ», а за «освобожденіе отъ ига»), и мы тому всё свидѣтели, много насъ есть тому свидѣтелей», говоритъ Достоевскій (Дневникъ писателя, стр. 24). Въ числѣ этихъ свидѣтелей, оказался незадолго до смерти и Некрасовъ, у котораго вылились тогда теплыя строки:

Ты и убогая,	Встали—не бужены,
Ты и обильная,	Вышли—не прошены
Ты и могучая,	Серебра—золота
Ты и безсильная,	Горы наношены!
Матушка Русь!	
Въ рабствѣ спасенное	Рать поднимается
Сердце свободное—	Неисчпимая!
Золото, золото	Сила въ ней скажется
Сердце народное!	Несокрушимая!
Спать, словно мертвая,	Ты—и убогая,
Русь недвижная,	Ты—и обильная,
А загорѣлась въ ней	Ты—и могучая
Искра незримая.	Ты—и безсильная,
	Матушка Русь!

Да, и *безсильная*—потому, что ея не признаютъ и не понимаютъ ея *верхи*, у которыхъ Достоевскій подслушалъ вопросъ: «у этихъ дескать смердовъ собирательная идея, у нихъ гражданское чувство, политическая мысль—развѣ можно это позволить?» И третье отдѣленіе не позволяло, а многіе изъ «интеллигенціи» и теперь не хотятъ позволить, вызывая у Достоевскаго мудреный вопросъ:

либо читать публичныя лекціи. Оно было ему возвращено, справедливость заставляетъ его вспомнить объ этомъ, только по настоящательному старанію бывшаго министра народнаго просвѣщенія.

„Почему въ Европѣ называющіе себя демократами всегда стоятъ за народъ, по крайней мѣрѣ на него опираются, а нашъ демократъ зачастую аристократъ и, въ концѣ концовъ, всегда почти служитъ въ руку всему тому, что подавляетъ народную силу и кончаетъ господчиной?“

Почему, въ самомъ дѣлѣ, и Пушкину позволяется быть *національнымъ*, но отнюдь не *народнымъ* поэтомъ?

Но вѣдь и въ томъ, что онъ національный поэтъ — въ смыслѣ міроваго — мы еще сомнѣваемся. Начинаютъ раздаваться наконецъ и сомнѣнія въ томъ, въ самомъ-ли дѣлѣ все это торжество было *ради* Пушкина, а не только *по его поводу*. «Вѣстникъ Европы» былъ совершенно правъ, высказывая опасеніе, какъ бы наше увлеченіе Пушкинымъ не оказалось только порывомъ, какъ и недавнее наше увлеченіе славянскимъ вопросомъ.

Но неужели же самый фактъ *единодушнаго* увлеченія — сперва нашимъ міровымъ призваньемъ въ восточномъ вопросѣ, потомъ міровымъ значеніемъ нашего поэта — конечно, подъ неперемѣннымъ условіемъ *прочности* этого увлеченія — не важнѣе всего того, что могло бы, пусть даже и самымъ краснорѣчивымъ образомъ, сказаться *по поводу*? Вѣдь во всякомъ *прочномъ* *единодушіи* сказывается *общественная сила*, а она, конечно, значить болѣе всевозможныхъ *словъ*! Но мы, чуть только она въ насъ проявится, сейчасъ же и начинаемъ отрекаться отъ нея, какъ Петръ отъ Христа: все потому, что гдѣ же намъ проявлять въ самомъ дѣлѣ общественную силу, когда у насъ нѣтъ еще того и того.... Но вѣдь это «то», какъ и царствіе Божіе, не даромъ берется, а пріобрѣтается, — пріобрѣтается тою же силою общественного самосознанія, самоуваженія, единодушія, стойкости въ единодушіи! Мы же думаемъ залучить къ себѣ «то» при помощи «жалкихъ словъ» и «самооплеванія!» И народа-то у насъ нѣтъ, а какая-то косная масса давно и въ конецъ оскотиненная; и исторіи-то у насъ нѣтъ, а какая-то проходящая чрезъ вѣка пустота или даже хуже пустоты — «глуповщина»; такъ пролейся же на насъ наконецъ живая вода, ороси намъ мозги, оберни насъ добрыми молодцами! Но если мы дѣйствительно таковы, какими сами себя рисуемъ, то намъ на запросъ нашъ могутъ отвѣтить пословицей: «по Сенькѣ и шапка». Къ тому же живая вода существуетъ лишь въ сказкахъ!

Нѣтъ, не такъ смотрѣли на дѣло тѣ люди двадцатыхъ годовъ, которыхъ «вольнoлюбивыя мечты» раздѣлялъ въ свое время и Пушкинъ. Если вѣренъ фактъ, переданный Пушкину Суцою, что одинъ изъ нихъ старался отклонить Александра Павловича отъ покровительства Грегамъ, то онъ, по всей вѣроятности, руководился при этомъ особаго рода іезуитизмомъ — не допустить до *освободительной* роли то самое *правительство*, противъ котораго заводились тогда у насъ тайныя общества. Но самый этотъ іезуитизмъ является, повидимому, только *личною* чертою *). Въ за-

*) Изъ записокъ Греча видно, что то же самое лицо видѣло въ греческомъ возстаніи полнѣйшее сходство съ нашимъ освобожденіемъ отъ татарскаго ига.

пискахъ одного изъ участниковъ той же партіи (Фонъ-Визина) мы встрѣчаемъ неблагоклонный отзывъ о «выдачѣ Эллиновъ султану, возбудившей общее негодованіе Русскихъ». Сочувствуя этому негодованію, авторъ очевидно желалъ бы для своего народа иной роли, особливо послѣ того, какъ «взятіе Парижа.... необыкновенно возвысило духъ нашихъ войскъ»... По свидѣтельству другаго лица той же партіи (Якушкина), «союзники, какъ алчные волки, были готовы броситься на павшую Францію» и императоръ Александръ спасъ ее; мы были вполнѣ увлечены такимъ дѣйствительно «высокимъ жребіемъ» (никто вѣдь тогда не предчувствовалъ, что будетъ впереди). «При такой обстановкѣ, говоритъ онъ, каждый изъ насъ сколько нибудь выросъ». Сознавалось, что своею блестящею ролью прозванный впоследствии Благословеннымъ вполнѣ обязанъ своему народу, тому народу, который «не по распоряженію начальства» при приближеніи французовъ удалялся въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе. Тѣмъ оскорбительнѣе было то, что «до слуха всѣхъ безпрестанно доходили изрѣченія, въ которыхъ выражалось явное презрѣніе къ русскимъ»... Въ видѣ отпора такому презрѣнію сверху явилось тщательное изученіе родныхъ лѣтописей, исканіе въ нихъ стародавней основы тѣхъ сторонъ народнаго духа, которыя такъ блистательно проявились теперь на глазахъ у всѣхъ. Рылѣевъ—этотъ «гражданинъ, а не поэтъ», какъ самъ онъ себя называлъ въ письмѣ къ Пушкину, — сложилъ цѣлый рядъ историческихъ думъ, выставлявшихъ доблести русскихъ людей съ древнѣйшихъ временъ, и указывалъ Пушкину, какъ на тему для вдохновенія, на Псковъ, гдѣ «задушены послѣднія вспышки русской свободы». Исторія Карамзина—не удовлетворяла: въ ней не находили того, чего стали доискиваться—земской жизни.... Увлекаясь приманкою учрежденій, видѣнныхъ за-границей, наше право на нихъ основывали однако же на нашей же старинѣ, на историческихъ подвигахъ и заслугахъ роднаго народа. (Записки Фонъ-Визина).

Да, уже люди 20-хъ годовъ (перейдя, послѣ постигшаго ихъ погрома въ 30-ые) по поводу одного иностраннаго сочиненія (также замѣтившаго свободную земскую стихію въ нашей жизни) писали:

„Въ средніе вѣка Русскіе были на высшей степени гражданственности, нежели остальная Европа.... общинныя или муниципальныя учрежденія и вольности были въ древней Россіи.... во всей силѣ, когда еще западная Европа оставалась подъ игомъ феодализма“.... Съ XVI в. исторія указываетъ на частыя созванія государственнаго собора или великой земской думы... но при Петрѣ Великомъ уже болѣе не собиралась земская дума“....

Тѣмъ же людямъ двадцатыхъ годовъ, тоже послѣ постигшаго ихъ погрома, пришлось однако жъ сознаться, что они не вполнѣ поняли русскую старину:

„Болѣе всего желая уничтоженія крѣпостнаго состоянія, они, по выраженію одного изъ нихъ, *при европейскомъ своемъ воззрѣніи на этотъ предметъ*, были увѣрены, что человекъ, никому лично не принадлежащій, уже свободенъ, хотя и не имѣетъ никакой собственности“... (Записки Якушкина).

Когда, уже на нашихъ глазахъ, исполнилось завѣтное желаніе 20-ти-лѣтняго Пушкина—«рабство пало по манію царя», то это совершилось уже на основаніи «не европейскаго воззрѣнія на этотъ предметъ», а съ земельнымъ надѣломъ. Съ исторической точки зрѣнія, на которую умѣли становиться во многомъ уже люди двадцатыхъ годовъ, это является возвращеніемъ народу того, что составляло его древнее историческое право,—и всякій дальнѣйшій правительственный шагъ въ томъ же направленіи долженъ представляться только дальнѣйшимъ успѣхомъ въ органическомъ развитіи нашей жизни. Съ той же исторической точки зрѣнія и многое другое, также давно желанное и искомое, также должно представляться не милостивымъ даромъ—не сказочною живою водою на «глуповскія» поля—а прежде всего признаніемъ тѣхъ *корней*, которые имѣлись уже въ наличности въ отечественной старинѣ. Историческій смыслъ прежде всего заставляеть желать возвращенія къ стародавней привычкѣ выслушивать земскій голосъ, который, само собой разумѣется, въ мѣру уже несомнѣнно достигнутаго Русью окончательнаго совершеннолѣтія, долженъ все болѣе и болѣе мужать и крѣпнуть. Изъ старыхъ корней земской дѣятельности должна безпрепятственно развиваться и развиваться дальнѣйшая широкая и свободная земская жизнь. Право на ея безпрепятственное развитіе давно куплено испытанною вѣрностію земли государству, но право это, по старому русскому пониманію, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность — положить, какъ и въ смутное время, конецъ нашимъ неустройствамъ и неурядицѣ, вслѣдствіе которыхъ мы и страдаемъ отъ голодовокъ и съ помощію которыхъ и удалось Европѣ отсрочить для насъ рѣшеніе нашей міровой задачи.

Подъ сѣнью памятника Пушкину могла бы, повидимому, сплотиться въ насъ настоящая общественная сила, сила, проникнутая уваженіемъ къ себѣ—къ родному народу и родной исторіи. И въ томъ только случаѣ, если она въ самомъ дѣлѣ у насъ окажется, намъ можно будетъ повторить съ поэтомъ:

Въ надеждѣ славы и добра
Глядимъ впередъ мы безъ боязни.

Ор. Миллеръ.

